

ВЕСТНИК
Адвокатской палаты
г. Москвы

Выпуск № 2 (128)

Москва, 2015

ДОКУМЕНТЫ АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ г. МОСКВЫ

15 апреля 2015 года состоялось очередное заседание Совета Адвокатской палаты города Москвы, на котором были приняты следующие решения:

1. Прекратить статус адвоката

№	Фамилия, имя, отчество	Реестровый №
1	Плющевский Олег Владимирович	77/4042
2	Алюшева Дамиря Каримовна	77/8312
3	Парчевская Валентина Петровна	77/1339
4	Белькович Мария Владимировна	77/3162
5	Бессонова Татьяна Петровна	77/6809
6	Дорджи-Горяев Игорь Александрович	77/10529
7	Кисляков Антон Валерьевич	77/11367
8	Плотникова Ирина Владимировна	77/10285
9	Лопато Анатолий Георгиевич	77/42
10	Фусяш Александр Михайлович	77/3164
11	Щеглова Елена Петровна	77/3681
12	Тетерникова Людмила Николаевна	77/2864
13	Рожков Виктор Васильевич	77/7515
14	Московцев Александр Сергеевич	77/2336
<i>В связи со смертью:</i>		
15	Савенков Александр Николаевич	77/11647
16	Еремеев Сергей Петрович	77/11146
17	Богданович Александр Николаевич	77/5909

2. Приостановить статус адвоката

№	Фамилия, имя, отчество	Реестровый №
1	Белова Наталия Викторовна	77/7262
2	Гагиева Довхан Орцхоевна	77/5055
3	Галетко Андрей Валентинович	77/10432
4	Кириленко Олег Викторович	77/6762
5	Ковалева Юлия Викторовна	77/11524
6	Лесин Алексей Львович	77/11267
7	Минкова Мария Тимофеевна	77/7761
8	Мукин Владимир Ильич	77/11181
9	Ниазбаев Тимур Равильевич	77/472
10	Прокофьева Юлия Юрьевна	77/964
11	Рыжков Илья Викторович	77/4698
12	Самойлова Светлана Борисовна	77/420
13	Сафиханов Ряшит Абдулберович	77/2506
14	Слободина Лидия Георгиевна	77/600
15	Тамаев Рамзан Сугаипович	77/10731
16	Терехова Марина Кадыровна	77/1521
17	Хрулев Владимир Михайлович	77/2938
18	Юров Константин Борисович	77/1672

3. Принять в члены Адвокатской палаты г. Москвы

№	Фамилия, имя, отчество
1	Авласенко Вадим Андреевич
2	Андропов Сергей Вячеславович
3	Аниканов Олег Юрьевич
4	Аутлев Артур Рашидович
5	Афанасьева Анна Прокопьевна
6	Богомоллов Дмитрий Геннадиевич
7	Бубенина Ольга Борисовна
8	Бычков Сергей Владимирович
9	Владарчук Денис Андреевич
10	Вольфгайн Петр Михайлович

№	Фамилия, имя, отчество
11	Гауэр Михаил Геннадьевич
12	Герасимова Светлана Владимировна
13	Голицына Анна Анатольевна
14	Голубев Алексей Львович
15	Горбова Марина Алексеевна
16	Гринь Александр Юрьевич
17	Давыдов Максим Валерьевич
18	Дергачев Вадим Владимирович
19	Егоров Дмитрий Анатольевич
20	Ежов Вячеслав Александрович
21	Емельянова Ольга Анатольевна
22	Жоголев Сергей Вячеславович
23	Зиганшин Рашит Рашитович
24	Змушко Александр Эдуардович
25	Ибраев Эльдар Назифович
26	Ипатиков Дмитрий Васильевич
27	Кабисов Тимур Олегович
28	Ким Дмитрий Николаевич
29	Кормщикова Ирина Алексеевна
30	Крехова Анна Сергеевна
31	Круглов Дмитрий Вячеславович
32	Крылов Юрий Александрович
33	Кулаев Олег Петрович
34	Львова Анна Юрьевна
35	Меликов Рафаэль Гасан оглы
36	Миронова Русудан Леонидовна
37	Мишина Ольга Васильевна
38	Набиева Гюльнара Тофик-кызы
39	Нестерова Галина Владимировна
40	Павлов Николай Николаевич
41	Попов Антон Владимирович

Документы Адвокатской палаты г. Москвы

№	Фамилия, имя, отчество
42	Родионцев Станислав Алексеевич
43	Самухов Александр Владимирович
44	Сапунова Марина Олеговна
45	Свобода Любовь Викторовна
46	Семчук Владимир Николаевич
47	Сепиханов Мансур Мурадисович
48	Соркин Павел Олегович
49	Стасевич Сергей Валерьевич
50	Субботин Дмитрий Юрьевич
51	Тарасов Геннадий Николаевич
52	Черников Константин Николаевич
53	Чукина Анна Алексеевна
54	Шахов Вадим Святославович
55	Шнапцев Андрей Александрович
56	Якушева Ольга Владимировна
57	Якушкин Алексей Владимирович

4. Возобновить статус адвоката

№	Фамилия, имя, отчество	Реестровый №
1	Борисов Алексей Валерьевич	77/6350
2	Вершинина Татьяна Николаевна	77/7893
3	Китанина Екатерина Евгеньевна	77/11282
4	Эстрин Андрей Александрович	77/8463

5. Перешли в адвокатские образования другого региона

№	Фамилия, имя, отчество	Реестровый №
1	Бойко Денис Борисович	77/9086
2	Кирюхин Сергей Юрьевич	77/8027
3	Левинсон Олег Михайлович	77/2876
4	Шевченко Юрий Викторович	77/8409
5	Шкода Алексей Игоревич	77/11889

Документы Адвокатской палаты г. Москвы

**6. Изменения в Реестре адвокатских образований г. Москвы
(утверждены Советом АП г. Москвы 15.04.2015)**

КАБИНЕТЫ (новые)

№	Фамилия, имя, отчество	Дата регистрации
1	Аветисян Сюзанна Владимировна	25.03.15
2	Афанасьев Дмитрий Сергеевич	09.02.15
3	Бакулин Владимир Николаевич	
4	Балкин Виктор Сергеевич	10.04.15
5	Борисов Алексей Валерьевич	10.04.15
6	Бурцева Елена Юрьевна	06.04.15
7	Васечкина Марина Александровна	10.03.15
8	Вишневский Александр Александрович	03.04.15
9	Глинин Роман Александрович	30.03.15
10	Горбунова Светлана Викторовна	15.04.15
11	Гордеев Игорь Алексеевич	07.04.15
12	Драгомиров Георгий Игоревич	26.03.15
13	Ерохова Мария Андреевна	04.03.15
14	Завьялов Александр Геннадьевич	09.03.15
15	Зайцев Николай Николаевич	01.04.15
16	Зайченко Елена Викторовна	17.03.15
17	Калинина Оксана Владимировна	08.04.15
18	Карпель Игорь Викторович	17.03.15
19	Касеко Ирина Николаевна	09.04.15
20	Ким Раиса Николаевна	04.03.15
21	Коханова Раиса Васильевна	19.03.15
22	Куксенко Валерий Станиславович	14.03.15
23	Кухта Кирилл Игоревич	19.03.15
24	Лепешева Мария Алексеевна	11.03.15
25	Миролевич Антон Владимирович	02.03.15
26	Мусаев Рустам Хабибуллаевич	18.03.15
27	Орлова Лариса Алексеевна	02.04.15

Документы Адвокатской палаты г. Москвы

№	Фамилия, имя, отчество	Дата регистрации
28	Павлова Ирина Александровна	12.03.15
29	Плис Нелли Яновна	02.04.15
30	Поташник Игорь Михайлович	26.03.15
31	Речкалова Елена Анатольевна	13.03.15
32	Рябкова Ольга Николаевна	19.03.15
33	Сильченко Роман Николаевич	31.03.15
34	Снурницын Иван Иванович	10.03.15
35	Тимофеев Олег Геннадьевич	07.04.14.
36	Тюлякова Татьяна Сергеевна	20.03.15
37	Хамматова Ольга Валерьевна	10.04.15
38	Хватов Сергей Алексеевич	10.04.15
39	Хмельницкая Оксана Юрьевна	26.03.15
40	Шейна Елена Алексеевна	04.03.15
41	Шкуран Александр Михайлович	19.03.15

КАБИНЕТЫ (ликвидированные)

№	Фамилия, имя, отчество	Дата
1	Кац Елена Шаевна	05.03.15
2	Рыжков Илья Викторович	05.03.15
3	Гребенщиков Дмитрий Юрьевич	01.04.15
4	Плотникова Ирина Владимировна	01.04.15
5	Баласян Геворк Вазгенович	27.03.15
6	Мукин Владимир Ильич	01.04.15
7	Минкина Мария Тимофеевна	01.04.15
8	Терехова Марина Кадыровна	01.04.15
9	Щупачко Сергей Игоревич	01.04.15
10	Кириленко Олег Викторович	01.04.15
11	Тетерникова Людмила Николаевна	08.04.15
12	Сафиханов Ряшит Абдулберович	08.04.15
13	Слободина Лидия Георгиевна	01.04.15
14	Московцев Александр Сергеевич	03.02.15

Документы Адвокатской палаты г. Москвы

№	Фамилия, имя, отчество	Дата
15	Шевченко Юрий Викторович	01.05.15
16	Стебенев Андрей Анатольевич	15.04.15
17	Лапин Павел Владимирович	15.04.15
18	Щербина Никита Николаевич	15.04.15
19	Шарыкина Наталья Анатольевна	15.04.15
20	Шумейко Олег Борисович	15.04.15
21	Солодкая Мария Викторовна	15.04.15
22	Чуманов Евгений Юрьевич	15.04.15

АДВОКАТСКИЕ БЮРО (новые)

№	Название	Дата регистрации
1	Ассоциация адвокатов АБ г. Москвы «Афонин, Князев и Партнеры»	19.03.2015

КОЛЛЕГИИ АДВОКАТОВ (новые)

№	Название	Дата регистрации
1	Ассоциация адвокатов Московская коллегия «Мутавчук, Бобровская и П.»	18.02.15
2	Ассоциация адвокатов «МГКА «Юрасов, Ларин и партнеры»	19.01.15

19 мая 2015 года состоялось очередное заседание Совета Адвокатской палаты города Москвы, на котором были приняты следующие решения:

1. Прекратить статус адвоката

№	Фамилия, имя, отчество	Реестровый №
1	Михирев Алексей Николаевич	77/6276
2	Витюгов Арнольд Дмитриевич	77/26
3	Алешина Наталья Владимировна	77/5574
4	Коваленко Лидия Ивановна	776132
5	Князева Людмила Ивановна	77/6793
6	Гребеньков Александр Петрович	77/9636
7	Чефранова Елена Александровна	77/243
	<i>В связи со смертью:</i>	
8	Егорцева Татьяна Александровна	77/5759

2. Приостановить статус адвоката

№	Фамилия, имя, отчество	Реестровый №
1	Алина Екатерина Владимировна	77/8935
2	Архипов Максим Витальевич	77/11258
3	Валишина Фларид Рифовна	77/9216
4	Гордиенко Виталий Владимирович	77/4976
5	Дорина Наталья Валерьевна	77/2564
6	Козырев Анатолий Алексеевич	77/385
7	Лазовский Александр Сергеевич	77/11460

№	Фамилия, имя, отчество	Реестровый №
8	Латин Евгений Николаевич	77/6933
9	Неверова Виктория Дмитриевна	77/6845
10	Новиков Михаил Анатольевич	77/9696
11	Олейник Ольга Георгиевна	77/6470
12	Самохоткин Матвей Александрович	77/9440
13	Сидоренко Мария Александровна	77/9994
14	Скопкарева Вера Александровна	77/8180
15	Суханова Юлия Олеговна	77/11103
16	Шпигель Ольга Дмитриевна	77/8338

3. Принять в члены Адвокатской палаты г. Москвы

№	Фамилия, имя, отчество
1	Айбазова Зухра Халисовна
2	Айвазовская Анжела Гелаевна
3	Александрова Юлия Андреевна
4	Бабенко Виталий Александрович
5	Балуев Денис Олегович
6	Варганов Валерий Витальевич
7	Горяева Ирина Валериевна
8	Жилкина Анастасия Петровна
9	Капустюк Мария Александровна
10	Катаева Диана Тахировна
11	Князев Андрей Владимирович
12	Кодинова Виктория Владимировна
13	Кончаковский Александр Сергеевич
14	Кременюк Татьяна Михайловна
15	Кузнецов Андрей Анатольевич
16	Лидяев Вячеслав Викторович
17	Лялюцкая Юлия Александровна
18	Нагорный Игорь Ефимович
19	Олченев Аржан Федорович

Документы Адвокатской палаты г. Москвы

№	Фамилия, имя, отчество
20	Павлова Марина Евгеньевна
21	Ратникова Ирина Юрьевна
22	Рустамова Наиля Йолчу оглы
23	Саваткин Виталий Анатольевич
24	Суров Олег Борисович
25	Таштамиров Заур Хамзатович
26	Тузов Максим Владимирович
27	Федотов Андрей Викторович
28	Халиуллина Елена Анатольевна
29	Хапалин Иван Владимирович
30	Хурцидзе Махаре Бухутиевич
31	Чижиков Сергей Александрович
32	Шванская Мария Петровна
33	Шердиев Темрюк Лионович
34	Шподаренко Наталья Павловна

4. Возобновить статус адвоката

№	Фамилия, имя, отчество	Реестровый №
1	Краснобаев Святослав Евгеньевич	77/8351
2	Маркелова Екатерина Игоревна	77/8450
3	Маркова Татьяна Юрьевна	77/7434
4	Оболенец Алексей Борисович	77/10166
5	Озорнин Юрий Алексеевич	77/11527
6	Тихонова Юлия Павловна	77/5258

5. Перешли в адвокатские образования другого региона

№	Фамилия, имя, отчество	Реестровый №
1	Михайловский Руслан Маркович	77/11513
2	Новоселов Василий Васильевич	77/7338
3	Тойджанов Муратклыч Сатлыкович	77/9547
4	Шенцева Наталия Александровна	77/12223

Документы Адвокатской палаты г. Москвы

**6. Изменения в Реестре адвокатских образований г. Москвы
(утверждены Советом АП г. Москвы 19.05.2015)**

КАБИНЕТЫ (новые)

№	Фамилия, имя, отчество	Дата регистрации
1	Байчорова Фатима Исмаиловна	29.04.15
2	Вершинина Татьяна Николаевна	27.04.15
3	Дарьина Марина Александровна	24.05.15
4	Доля Надежда Александровна	13.05.15
5	Дьяченко Дмитрий Сергеевич	07.05.15
6	Злобин Сергей Владимирович	05.05.15
7	Калашников Леонид Борисович	20.04.15
8	Кахриманов Мурад Ферезуллаевич	17.04.15
9	Ким Виктория Гванчеровна	08.05.15
10	Козелкова Оксана Петровна	14.05.15
11	Одоев Евгений Афанасьевич	05.05.15
12	Пашаев Эльман Магеррам оглы	14.05.15
13	Попов Алексей Валерьевич	01.05.15
14	Репина Марина Николаевна	23.04.15
15	Рябцева Екатерина Владимировна	07.05.15
16	Смирнов Александр Геннадьевич	29.04.15
17	Стасевич Сергей Валерьевич	19.05.15
18	Стрешенец Игорь Анатольевич	20.04.15
19	Ткаченко Анатолий Тимофеевич	06.04.15
20	Торопов Роман Михайлович	16.04.15
21	Шнапцев Андрей Александрович	19.05.15

КАБИНЕТЫ (ликвидированные)

№	Фамилия, имя, отчество	Дата
1	Лазарева Анна Сергеевна	10.04.15
2	Антошкина Татьяна Валентиновна	21.04.15
3	Валишина Фларид Рифовна	23.04.15
4	Гребеньков Александр Петрович	01.05.15

Документы Адвокатской палаты г. Москвы

№	Фамилия, имя, отчество	Дата
5	Чернов Рустам Павлович	27.04.15
6	Тойджанов Муратклыч Сатлыкович	01.05.15
7	Кирланов Тимур Георгиевич	30.04.15
8	Кляйман Екатерина Евгеньевна	30.04.15
9	Дорина Наталья Валерьевна	01.05.15
10	Шпигель Ольга Дмитриевна	01.05.15
11	Самохоткин Матвей Александрович	14.05.15
12	Сидоренко Мария Александровна	01.04.15
13	Сарбаев Константин Эдуардович	18.05.15

Документы Адвокатской палаты г. Москвы

2 июня 2015 года состоялось очередное заседание Совета Адвокатской палаты города Москвы, на котором были приняты следующие решения:

1. Прекратить статус адвоката

№	Фамилия, имя, отчество	Реестровый №
1	Гавриленко Александр Дмитриевич	77/6097
2	Клепикова Елена Николаевна	77/10957

2. Приостановить статус адвоката

№	Фамилия, имя, отчество	Реестровый №
1	Беккер Ирина Александровна	77/2732
2	Гордеева Нина Константиновна	77/9680
3	Горшкова Ольга Васильевна	77/6106
4	Данилов Аркадий Борисович	77/1572
5	Иванова Виолетта Юрьевна	77/7894
6	Матюшкин Олег Олегович	77/641
7	Мирзоян Александр Игоревич	77/10541
8	Тарасова Мария Владимировна	77/7292
9	Хомутовский Андрей Леонидович	77/8069
10	Шахманова Зулейхат Магомедовна	77/12005
11	Ларина Виолетта Федоровна	77/149
12	Гельфгат Инна Александровна	77/10445

Документы Адвокатской палаты г. Москвы

3. Принять в члены Адвокатской палаты г. Москвы

№	Фамилия, имя, отчество
1	Белкина Нина Васильевна
2	Бояркин Иван Анатольевич
3	Деменкова Татьяна Юрьевна
4	Кузнецов Сергей Алевтинович
5	Кожухов Павел Сергеевич
6	Меркулов Денис Александрович
7	Морозов Владимир Альбертович
8	Мугдатов Руслан Тоштемирович
9	Нелюбов Артем Михайлович
10	Синягин Игорь Владимирович
11	Степухин Сергей Витальевич
12	Цагараев Маирбек Махарбекович
13	Яблонских Любовь Николаевна

**4. Изменения в Реестре адвокатских образований г. Москвы
(утверждены Советом АП г. Москвы 2.06.2015)**

КАБИНЕТЫ (новые)

№	Фамилия, имя, отчество	Дата регистрации
1	Морозова Елена Валериевна	21.05.15
2	Краснобаев Святослав Евгеньевич	22.05.15
3	Гатикоев Илья Анзорович	25.05.15
4	Владарчук Денис Андреевич	25.05.15
5	Авласенко Вадим Андреевич	25.05.15
6	Гордеева Алла Артуровна	26.05.15
7	Черников Константин Николаевич	25.05.15
8	Майтесян Александр Шагенович	31.05.15
9	Крапивенских Павел Вячеславович	28.05.15
10	Куслин Владимир Анатольевич	28.05.15
11	Подбуцкий Антон Александрович	29.05.15

Документы Адвокатской палаты г. Москвы

КАБИНЕТЫ (ликвидированные)

№	Фамилия, имя, отчество	Дата
1	Хомутовский Андрей Леонидович	01.06.15
2	Скрипилев Евгений Владимирович	12.05.15

АДВОКАТСКИЕ БЮРО (новые)

№	Фамилия, имя, отчество	Дата регистрации
1	Ассоциация адвокатов «АБ г. Москвы «Легис Практик»	21.04.15

КОЛЛЕГИИ АДВОКАТОВ (новые)

№	Название	Дата регистрации
1	Ассоциация «Московская коллегия адвокатов «Альтер-Эго»	12.05.15
2	Московский городской филиал Ассоциации КА Калужской области «Шипилов и п.»	25.11.14

ОБЗОР ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПРАКТИКИ

1. Квалификационная комиссия не может одобрить действия адвоката С. как защитника, который только вступив в дело, допускает заявления в прессе, бросающие тень на его доверителя, по сути, солидаризуясь со стороной обвинения. Последующее прекращение уголовного дела в отношении его доверительницы по реабилитирующим основаниям еще более высвечивает порочность несвойственных профессиональному защитнику заявлений, многократно тиражируемых прессой.

На имя Президента Адвокатской палаты г. Москвы поступил отчет о посещении членами ОНК г. Москвы Б., С. и А. в СИЗО «Л.» арестованной Д. На основании этого отчета, а также ряда публикаций в печатных и электронных СМИ вице-президентом Адвокатской палаты г. Москвы Залмановым В.Я. 5 февраля 2015 года на имя Президента Адвокатской палаты г. Москвы было внесено представление о необходимости возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката С., являвшегося защитником Д. по назначению.

В обращении на имя Президента Адвокатской палаты г. Москвы членов ОНК г. Москвы Б., С. и А. отмечено следующее. 30 января 2015 года перечисленные лица пришли с плановой проверкой в СИЗО «Л.». При посещении Д. речь зашла о том, не нарушено ли ее право на защиту, и обжаловал ли адвокат по назначению С. ее арест. Они рассказали Д., что ее адвокат заявил в прессе, что якобы по договоренности с ней арест обжалован не будет. Д. этому сообщению была очень удивлена, заплакала и сообщила, что адвокат ей обещал обжаловать и даже взял с нее какую-то бумагу. Они разъяснили Д., что согласно УПК РФ, она сама может подавать апелляционную жалобу в суд, но прежде ей надо отправить документ в Московский городской суд с просьбой восстановить пропущен-

ный срок на обжалование. Администрация СИЗО «Л.» разрешила передать Д. УПК РФ и образец апелляционной жалобы. Они сообщили Д., что ее муж собирается найти ей адвоката по соглашению и заключить с ним договор. Буквально через полчаса после их общения с Д. сотрудники СИЗО сообщили, что к Д. пришел адвокат С. 1 февраля 2015 года члены ОНК Москвы Г. и С. посетили Д. с целью передать ей молокоотсос для сцеживания грудного молока и лекарства. Д. сообщила, что 31 января 2015 года адвокат С. объяснил ей несвоевременную подачу апелляционной жалобы на ее арест тем, что у него не было необходимых документов о составе ее семьи, и у нее отсутствует квартира в Москве. Теперь появились документы (видимо, свидетельства о рождении), и он занимается поиском квартиры. Члены ОНК просят обратить внимание на то, не было ли в действиях адвоката С. нарушения прав Д.

Каких-либо документов к обращению членов ОНК г. Москвы приложено не было.

В представлении б/н от 5 февраля 2015 года вице-президента Адвокатской палаты г. Москвы Залманова В.Я. отмечается, что, начиная с 30 января 2015 года, в печатных и электронных средствах массовой информации были опубликованы материалы о Д., арестованной по подозрению в шпионаже в пользу Украины, вызвавшие огромный общественный резонанс. Действительно, Д. была задержана органами ФСБ 21 января 2015 года по уголовному делу, возбужденному в отношении нее по ст. 275 УК РФ. В порядке ст. 51 УК РФ органами следствия Д. был назначен адвокат С., осуществляющий адвокатскую деятельность в адвокатском кабинете. Имеются все основания полагать, что адвокат С., осуществляя защиту своей доверительницы Д., грубо нарушил требования ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ст. 8 и 10 Кодекса профессиональной этики адвоката. Доказательством данного утверждения служат интервью самого адвоката, интервью Д., интервью и письмо в Адвокатскую палату г. Москвы членов ОНК Москвы Б., С., А., посетивших и беседовавших с Д. в СИЗО «Л.», где содержалась последняя, а также различные публикации по этой тематике в прессе.

В данных материалах усматриваются признаки ненадлежащего исполнения адвокатом С. своих профессиональных обязанностей:

а) адвокат не ходатайствовал перед судом об отложении рассмотрения ходатайства следователя об избрании Д. меры пресече-

ния в виде содержания под стражей для получения документов о наличии у подзащитной семи малолетних детей;

б) адвокат не обжаловал постановление о заключении Д. под стражу;

в) адвокат в прессе комментировал уголовное дело с позиции следствия, утверждая об обоснованности задержания и обвинения Д.;

г) адвокат только через 10 дней после ареста собирался встретиться с подзащитной, чтобы «выяснить ее позицию по уголовному делу».

В связи с наличием в действиях адвоката С. признаков нарушения ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ст. 8 и 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, вице-президент Адвокатской палаты г. Москвы Залманов В.Я. просил на основании пп. 2 п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката возбудить в отношении адвоката С. дисциплинарное производство и вынести его на заседание Квалификационной комиссии.

Изучив доводы представления вице-президента Адвокатской палаты г. Москвы Залманова В.Я. от 5 февраля 2015 года, письменные и устные пояснения адвоката С., исследовав иные материалы дисциплинарного производства, Квалификационная комиссия пришла к следующим выводам.

Адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката, физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию, как это указано в п. 1 ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». «Адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам» (абз. 1 п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно отстаивать и защищать права, свободы и законные интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональ-

ной этики адвоката. Адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (пп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката). За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 2 ст. 7 названного Закона). В соответствии с п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» «адвокат и лицо, подавшее жалобу на действия (бездействие) адвоката, имеют право на объективное и справедливое рассмотрение жалобы».

При рассмотрении дисциплинарного производства, носящего публично-правовой характер, Квалификационная комиссия в своей практике последовательно исходит из презумпции добросовестности адвоката, обязанность опровержения которой возложена на заявителя (участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности), который должен доказать те обстоятельства, на которые он ссылается как на основания своих требований. Из публично-правового характера дисциплинарного производства и вытекающего из него принципа презумпции добросовестности адвоката следует, что применительно к настоящему разбирательству обязанность опровержения позиции адвоката С. возложена на автора представления — вице-президента Адвокатской палаты г. Москвы Залманова В.Я.

Явившись на заседание Квалификационной комиссии 25 марта 2015 года, адвокат С. рассказал, что он присутствовал при предъявлении обвинения Д., и уже на предъявлении обвинения она признавала себя виновной. Он считал заявление ходатайства об избрании меры пресечения, не связанной с содержанием под стражей, перспективным, но он понимает, что если есть один шанс из миллиона, то надо обжаловать в любом случае. Заявление от подзащитной с отказом от обжалования он не брал.

Отвечая на вопросы членов Комиссии, адвокат С. уточнил, что он действительно высказывался о том, что уголовное дело возбуждено не на ровном месте, что оно возбуждено небезосновательно. Он не знал, что его записывают. Тогда, возможно, он бы более грамотно все произнес. Д. прямого указания обжаловать или нет ее арест

ему не давала. У нее на процессе была такая позиция — на усмотрение суда. Но он все-таки стал действовать против ее воли и просил избрать меру пресечения, не связанную с лишением свободы. В те дни, когда он посещал Д., он в понедельник приносил ей передачу с продуктами и телефонную карту. Признает, что надо было не продукты таскать, а лучше к Д. приехать. 30 января 2015 года он был на свидании у Д. в СИЗО, а до этого был во вторник — 27 января 2015 года, а потом был еще 2 февраля 2015 года, когда уже был другой адвокат П.

По поводу интервью, которое он давал журналистам 30 января 2015 года: «По словам С., он собирается встретиться с Д. в СИЗО «Л.», чтобы выяснить ее позицию по уголовному делу и стратегию защиты», — хочет сказать, что да, действительно, такой разговор был, он хотел встретиться с Д., чтобы узнать ее позицию по делу. Материалы к ходатайству следователя об избрании меры пресечения он смотрел. Там было постановление о возбуждении уголовного дела. Он ознакомился с этими материалами, на это ушло минут 15—20. Он выбрал для себя то, что считал очень важным, для того, чтобы понять, что можно сделать дальше, а что невозможно. Не помнит: совпала ли формулировка возбуждения дела со ссылкой на звонок Д. с формулировкой, которая была предоставлена специалистам. Но помнит, что там говорилось о нанесении вреда Российской Федерации. Д. подтвердила, что были звонки, она этого не отрицала. Даже когда он с ней последний раз в пятницу встречался, она подтвердила, что звонки были, но она не считала, что это гостайна. Он (С.) ей объяснял, что это гостайна, и оспорить это может только эксперт. Что является гостайной — вопрос к специалистам. На начальном этапе было заключение Генерального штаба о том, что в этой информации содержится государственная тайна. В процессе расследования была произведена судебная комиссия экспертиза, которая сказала, что нет гостайны, и по этому поводу прекратили уголовное дело.

Проанализировав материалы настоящего дисциплинарного дела, Комиссия приходит к выводу, что содержание дисциплинарных проступков, как это изложено в представлении вице-президента Адвокатской палаты г. Москвы, можно свести к следующим пунктам:

1. Адвокат С. не заявил в Л. районном суде г. Москвы 22 января 2015 года ходатайство об отложении рассмотрения вопроса об аре-

сте Д. для получения доказательств наличия у задержанной семи малолетних детей.

2. Он же после вынесения судебного решения об аресте не обжаловал его в апелляционном порядке.

3. Адвокат С. комментировал в СМИ уголовное дело Д. с позиции следствия, утверждая об обоснованности ее задержания и обвинения в государственной измене.

4. Он планировал только через 10 дней после ареста встретиться с подзащитной, чтобы выяснить ее позицию по делу.

По первой из обозначенных претензий Комиссия полагает, что адвокат С. в своих письменных пояснениях дал убедительные объяснения того, почему он не просил суд отложить разбирательство (см. раздел 1 «Пояснений»). В его пользу свидетельствуют и данные Л. районному суду г. Москвы ответы Д. при установлении ее личности: «имею на иждивении 4-х несовершеннолетних детей (2006, 2011, 2012, 2014 годов рождения)» — см. с. 1 протокола судебного заседания от 22 февраля 2014 года. Этот же вопрос был затронут и в апелляционном постановлении от 16 февраля 2015 года, когда Московский городской суд указал: «суд апелляционной инстанции не может согласиться с доводами защиты относительно наличия у Д. семерых детей, поскольку эти доводы опровергаются представленными в суд документами, подтверждающими, что трое других детей, проживающих по месту регистрации обвиняемой, проживают совместно со своей родной матерью и отцом».

По поводу последнего из обозначенных пунктов следует заметить, что адвокат С. дал как письменные, так и устные пояснения о том, что он анализировал при встречах с Д. позицию по делу, объясняя специфику обвинений, квалифицируемых по ст. 275 УК РФ (государственная измена). Хотя в этой связи Комиссия обращает внимание адвоката С., что его высказывание «мне все равно, какую она выберет позицию», безусловно, недопустимо как в описываемой им ситуации обсуждения формируемой следствием доказательственной базы (с. 7 «Письменного пояснения»), так и в принципе, при работе адвоката со своим клиентом.

Далее следует заметить, что адвокат С. подробно пояснил, чем в интересах Д. занимался вместо посещения следственного изолятора: передал подзащитной телефонные карты для звонков семье, купил на свои деньги и передал продукты, подготовил и подал ходатайство об изменении меры пресечения (принято в СУ ФСБ

30 января 2015 года), на которое имеется ссылка в постановлении следователя от 3 февраля 2015 года об отмене меры пресечения. При этом в один из рабочих дней — 29 января 2015 года — в СИЗО «Л.» был санитарный день, что исключало посещение подзащитной. Комиссия обращает внимание на тот факт, что все перечисленные аргументы были приведены адвокатом С. на заседании 25 марта 2015 года в присутствии представителей (третьих лиц) Д. — ее адвоката С. и супруга Г., и от них никаких возражений не последовало.

В то же время Квалификационная комиссия усматривает дисциплинарные нарушения как в необжаловании С. постановления суда об избрании его подзащитной Д. меры пресечения в виде заключения под стражу, так и в допущенных им высказываниях в средствах массовой информации.

Из процессуальных документов, таких как протокол судебного заседания Л. районного суда г. Москвы от 22 января 2015 года и постановления того же суда за ту же дату, четко следует, что адвокат С. возражал против заявленного ходатайства об избрании его доверителю Д. меры пресечения в виде заключения под стражу, указывая, что она имеет на иждивении несовершеннолетних детей и скрываться от следствия и суда не намерена. Означенный подход представляется абсолютно верным, основанным как на нормах уголовно-процессуального законодательства, так и на разъяснениях, дававшихся Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога».

Однако в такой ситуации адвокат обязан быть последовательным и использовать все возможности судебной защиты для отстаивания законных прав и интересов доверителя. Неслучайно органы адвокатского самоуправления в своей дисциплинарной практике строго придерживаются установки: содержание пп. 2 п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката распространяется не только на само процессуальное решение — приговор суда, но и на все вопросы, разрешаемые при его постановлении, в том числе на судебные решения по вопросу об избрании и продлении меры пресечения в виде заключения под стражу (Сборник нормативных и информационных материалов за 2002—2014 годы. Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты г. Москвы. М., 2014. С. 203—204).

Не обжаловав судебный акт, адвокат С. создал одновременно определенные сложности своим коллегам, вступившим в дело по соглашению. Поскольку ни им, ни его подзащитной Д. жалоба в определенные законом сроки не была подана, адвокаты Б. и П. вынуждены были испрашивать у суда согласия на восстановление пропущенного срока апелляционного обжалования (см. постановление судьи Л. районного суда г. Москвы Г. от 5 февраля 2015 года).

Адвокат С., признавая, что он в рассматриваемой части действительно ненадлежаще исполнил профессиональные обязанности перед подзащитной (с. 3 «Письменного объяснения»), мотивировал свои действия пониманием бесперспективности обжалования судебного решения о мере пресечения при столь тяжком обвинении. Однако дальнейший ход событий по делу Д. убедительно доказал неверность такого подхода: Московский городской суд 16 февраля 2015 года отменил решение Л. районного суда г. Москвы как вынесенное с нарушениями уголовно-процессуального закона, а еще ранее, 3 февраля 2015 года, заключение под стражу было заменено следователем на подписку о невыезде.

Другое дисциплинарное нарушение Квалификационная комиссия усматривает в высказываниях адвоката С., нашедших отражения в средствах массовой информации. Так, в заметке на сайте агентства РИА «Новости» за 29 января 2015 года под заголовком «Адвокат: Д. небезосновательно обвиняется в шпионаже», как и в ряде других СМИ, со ссылкой на С. приводятся его слова: «В целом могу сказать, что в любом случае не на ровном месте все это возбуждено <...> Там есть информация, есть факты, есть основания...».

В ином источнике в сети Интернет (www.24smi.org) дана такая цитата: «Я могу подтвердить, что у следствия действительно есть все основания для задержания и вынесения обвинения в адрес моей подзащитной Д. Это дело возбуждено против нее не на ровном месте, у следствия есть определенные факты и информация, хотя многие в это не верят и сомневаются». Заголовок здесь гласит: «Госизмена россиянки: адвокат Д. признал, что основания для обвинения есть».

Пытаясь объяснить свои действия попыткой предотвратить искажение в прессе сведений о деле Д., адвокат С. признает, что действительно высказывался, что «дело возбуждено не на ровном месте, что оно возбуждено небезосновательно» (раздел № 3 «Письменных объяснений»). Этот факт он также подтвердил, отвечая на

вопросы членов Комиссии 25 марта 2015 года. В то же время С. утверждает, что о доказанности вины подзащитной заявлений не делал.

Оценивая такое поведение адвоката С., и даже учитывая, что Д. первоначально признала свою вину в инкриминированном ей деянии, Комиссия не может одобрить действия защитника, который, только вступив в дело, допускает столь громогласные заявления, бросающие тень на его доверителя, по сути, солидаризируясь со стороной обвинения. Последующее прекращение уголовного дела в отношении Д. по реабилитирующим основаниям еще более высвечивает порочность несвойственных профессиональному защитнику заявлений, многократно тиражируемых прессой.

Представляется, что адвокат С. не знаком с содержанием Разъяснения Адвокатской палаты г. Москвы от 27 октября 2005 года «О выступлениях адвокатов в СМИ», где, в частности, говорится: «...непреложным для адвокатов в их публичных выступлениях должно быть соблюдение принципа презумпции невиновности и критерия профессиональной компетентности. Общение с прессой требует от адвокатов соблюдения осторожности и сдержанности (Указ. Сборник. С. 112). Несоблюдение таких предписаний приводит к утрате доверия со стороны подзащитного, что со всей очевидностью имело место в рассматриваемом случае, поскольку Д. вынуждена была отказаться от помощи адвоката С.

Квалификационная комиссия по результатам разбирательства, с учетом результатов голосования именными бюллетенями, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 1, 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, единогласно выносит заключение:

— о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом С. профессиональных обязанностей перед доверителем Д., выразившемся в том, что, приняв на себя ее защиту по назначению в Следственном управлении ФСБ РФ, адвокат не обжаловал в апелляционном порядке постановление Л. районного суда г. Москвы от 22 января 2015 года об избрании Д. меры пресечения в виде заключения под стражу;

— о нарушении адвокатом С. п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в том, что адвокат допустил в средствах массовой информации высказывания об обоснованности уголовного преследования своей доверительницы, подрывающие доверие к нему как представителю адвокатского сообщества;

— о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката С. по Представлению вице-президента Адвокатской палаты г. Москвы Залманова В.Я. б/н от 05 февраля 2015 года, основанному на обращении членов Общественной наблюдательной комиссии г. Москвы по осуществлению общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания (вх. № 385 от 05.02.2015), вследствие отсутствия в иных его действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Совет согласился с заключением Квалификационной комиссии и прекратил статус адвоката С.

2. Квалификационная комиссия в своем заключении указала, что изучение как российского, так и зарубежного опыта демонстрирует, что органами адвокатского самоуправления не выработано единого подхода к оценке действий адвокатов, принимающих участие в оперативно-розыскных мероприятиях в интересах своих доверителей. В таких условиях, при явной противоречивости законодательных норм, Квалификационная комиссия отмечает наличие правовой неопределенности.

В Адвокатскую палату города Москвы от адвоката П. поступила жалоба в отношении адвоката К. Из нее следует, что заявителем в Г. районном суде г. Москвы по уголовному делу оказывалась юридическая помощь подсудимому К-ву А.Е., обвиняемому органом предварительного следствия в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 163, ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ. В ходе изучения письменных материалов дела, а также в процессе судебного разбирательства заявителем, как он считает, были установлены многочисленные нарушения адвокатом К. Конституции РФ, Федеральных законов № 144-ФЗ от 12 августа 1995 года «Об оперативно-розыскной деятельности», № 63-ФЗ от 31 мая 2002 года

«Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также Кодекса профессиональной этики адвоката. П. отмечает, что в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ (ч. 1 ст. 17 Конституции РФ). Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17 Конституции РФ), поскольку достоинство личности охраняется государством и ничто не может быть основанием для его умаления (ч. 1 ст. 21 Конституции РФ). Статья 23 Конституции РФ гарантирует каждому право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1), в связи с чем каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения. Поэтому сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается. Согласно ч. 1 ст. 186 УПК РФ при наличии достаточных оснований полагать, что телефонные и иные переговоры подозреваемого, обвиняемого и других лиц могут содержать сведения, имеющие значение для уголовного дела, их контроль и запись допускаются при производстве по уголовным делам о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлениях на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном ст. 165 УПК РФ. Часть 6 ст. 6 Федерального закона № 144-ФЗ от 12 августа 1995 года «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон «Об ОРД») прямо запрещает проведение оперативно-розыскных мероприятий и использование специальных и иных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации не уполномоченными на то законом физическими и юридическими лицами, так как в таком случае нарушается конституционный принцип законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина (ст. 3 Закона «Об ОРД»).

Как отмечается в жалобе, действуя в интересах Компании «П.», адвокат К. еще задолго до своего официального обращения в правоохранительные органы самостоятельно, по своей личной инициативе проводил негласные оперативные мероприятия без какого-либо

санкционирования этих действий государственными органами, уполномоченными осуществлять подобного рода деятельность, т.е. осуществлял негласную видеозапись переговоров К-ва А.Е. с президентом ООО «П. РУС» г-ном К., а затем негласно полученную им видеозапись разговора приложил к своему обращению на имя начальника УВД ЮЗАО г. Москвы. Будучи допрошенным по инициативе государственного обвинителя в судебном заседании 16 июня 2014 года в качестве свидетеля обвинения, К., отвечая на вопросы стороны защиты, пояснил, что им, адвокатом К., действительно негласно осуществлялась видеозапись переговоров К-ва А.Е. с К., исходя из чего явно видна вся незаконность действий адвоката, производившего негласную видеозапись разговора, а также вторгшегося в частную жизнь К-ва, а значит, нарушившего не только Закон «Об ОРД», но и конституционный принцип соблюдения прав и свобод доверителя заявителя. Кроме того, как было установлено в ходе исследования представленных стороной обвинения доказательств, а также иных письменных материалов уголовного дела, помимо негласного производства видеозаписи, адвокатом К. осуществлялось также негласное сотрудничество с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, а именно: 20 сентября 2010 года, обращаясь с письменным заявлением на имя начальника УВД ЮЗАО г. Москвы, представитель ООО «П. РУС» и компании «П. (СНГ)» К. указал о наличии имеющегося у него статуса адвоката (т. 1, л.д. 107-111). Заявление К. в тот же день было зарегистрировано в книге учета сообщений о преступлениях, а на следующий день, 21 сентября 2010 года начата его оперативная проверка (т. 1, л.д. 134, 236-238). 22 сентября 2010 года оперуполномоченный ОБЭП УВД ЮЗАО по г. Москве Ж. в целях реализации пункта 3 плана оперативного эксперимента (т. 1, л.д. 237) выдал адвокату К. аудио- и видеозаписывающую аппаратуру для негласной фиксации переговоров между ним, т.е. К., и К-вым А.Е. (т. 2, л.д. 56), которая после задержания последнего была возвращена в милицию (т. 2 л.д. 96-137). При этом адвокат К., будучи предупрежденным о неразглашении сведений, ставших ему известными в ходе негласного сотрудничества с органами внутренних дел, а также проинструктированным ими о правилах соблюдения конспирации, дал свое добровольное согласие на участие в оперативно-розыскных мероприятиях, проводимых сотрудниками ОБЭП УВД по ЮЗАО г. Москвы с целью документирования «противо-

правных действий генерального директора ООО «А.К.Б.» К-ва А.Е. (т. 1, л.д. 239). Таким образом, согласно указанным выше документам, в качестве милицейского агента Ж. привлек адвоката К., учитывая его личное согласие (т. 1 л.д. 239), и тот в процессе проводимого эксперимента должен был вручить (передать) К-ву А.Е. денежные средства. В этот же день, 22 сентября 2010 года, адвокат К. добровольно предоставил оперативным сотрудникам милиции свои личные денежные средства в размере 1 100 000 рублей для проведения оперативно-розыскного мероприятия (т. 2, л.д. 29-31). После чего, получив от них дополнительно к своим денежным средствам муляж денежных средств — «180 купюр достоинством 5 000 рублей каждая» (т. 2, л.д. 33), «аудио и видеозаписывающую аппаратуру с целью негласной фиксации переговоров» между ним, т.е. К. и Генеральным директором ООО «А.К.Б.» К-вым А.Е. (т. 2, л.д. 56), участвовал в оперативном эксперименте, результатом которого явилось задержание К-ева А.Е. «с поличным» (т. 2, л.д. 140-141). Допрошенный в качестве свидетеля обвинения К., отвечая на вопросы стороны защиты, подтвердил наличие у него в период 20—22 сентября 2010 года статуса адвоката, а также факт предоставления им своих личных денег правоохранительным органам для проведения ими оперативного эксперимента с его непосредственным участием.

Далее в своей жалобе заявитель поясняет, что оперативно-розыскная деятельность основывается на конституционных принципах законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Как известно, ее правовую основу составляют Конституция Российской Федерации, Закон «Об ОРД», а также другие федеральные законы и принятые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти. В соответствии с ч. 5 ст. 6 Закона «Об ОРД» должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в процессе проводимых ими оперативно-розыскных мероприятий вправе использовать помощь отдельных граждан с их согласия на негласной основе. Согласно ч. 5 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» «Негласное сотрудничество адвоката с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, запрещается». Как видно из заявления К. (т. 2, л.д. 29-31), а также из акта осмотра и ксерокопирования денежных купюр (т. 2, л.д. 32-55), денежные средства в сумме 1 100 000 рублей, использовавшиеся в

процессе оперативно-розыскного мероприятия, принадлежали непосредственно К. на праве личной собственности (т. 3, л.д. 134, 136-151). По мнению заявителя П., «Из содержания указанных документов становится понятным, что при проведении оперативно-розыскного эксперимента 22.09.10 г. агентом К. в ОРД был вовлечен его частный капитал в сумме 1 100 000 руб., что явно противоречит действующему законодательству, поскольку категорический запрет на использование частного капитала при проведении ОРД установлен Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» № 144-ФЗ от 12.08.95 г.». При этом заявитель ссылается на ч. 1 ст. 19 указанного Закона, которая гласит: «Обеспечение оперативно-розыскной деятельности, в том числе социальной и правовой защиты граждан, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность в соответствии с настоящим Федеральным законом, относится к расходным обязательствам Российской Федерации и осуществляется в порядке, устанавливаемом руководителями государственных органов, оперативные подразделения которых уполномочены осуществлять эту деятельность». Следовательно, предоставление денежных средств для оперативных задач и целей является прямой обязанностью государства, «но никак не агента К., ибо обеспечение ОРД не предусматривает использование частного капитала граждан, каким является агент адвокат К.». Таким образом, адвокатом К., давшим свое добровольное согласие на негласное сотрудничество с органами внутренних дел, на участие в оперативно-розыскных мероприятиях (оперативном эксперименте), проводимых в отношении К-ева А.Е., проинструктированном о правилах соблюдения конспирации, выступившим в качестве негласного агента, был нарушен конституционный принцип законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Кроме того, К. были нарушены обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, основанные на нравственных критериях и традициях адвокатуры, а также на международных стандартах и правилах адвокатской профессии. Заявитель считает подобное поведение адвоката К., сознательно выступившего в роли агента правоохранительных органов, порочащим честь и достоинство адвоката, умаляющим авторитет российской адвокатуры, противоречащим Кодексу профессиональной этики адвоката и Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ». На основании изложенного П. просит

возбудить по его жалобе дисциплинарное производство в отношении адвоката К. и привлечь его к дисциплинарной ответственности за нарушение профессиональных обязанностей адвоката.

При рассмотрении дисциплинарного производства, носящего публично-правовой характер, Квалификационная комиссия в своей практике последовательно исходит из презумпции добросовестности адвоката, обязанность опровержения которой возложена на заявителя (участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности), который должен доказать те обстоятельства, на которые он ссылается как на основания своих требований. Из публично-правового характера дисциплинарного производства и вытекающего из него принципа презумпции добросовестности адвоката следует, что применительно к настоящему разбирательству обязанность опровержения позиции адвоката К. возложена на заявителя — адвоката П.

Согласно рассматриваемой жалобе, суть претензий заявителя к К. сводится к тому, что последний, будучи адвокатом, пошел на негласное сотрудничество с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Он незаконно, по мнению П., участвовал в оперативном эксперименте, проводил видео- и аудиозапись переговоров, выступал в качестве «милицейского агента». Ссылаясь, в том числе, на п. 5 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», П. считает, что «поведение адвоката К., сознательно выступившего в роли агента правоохранительных органов», порочит честь и достоинство адвоката, умаляет авторитет российской адвокатуры, противоречит Кодексу профессиональной этики адвоката и указанному федеральному закону.

Однако Квалификационная комиссия не может согласиться с такой оценкой действий адвоката К. и приходит к выводу, что при исследуемых обстоятельствах его поведение не содержит признаков дисциплинарно наказуемого проступка. Приведенные в письменных объяснениях адвокатом К. доводы в свою защиту убедительны и подкрепляются как процессуальными документами из уголовного дела, так и примерами из судебной практики.

Как установлено приговором Г. районного суда г. Москвы от 25 августа 2014 года, подзащитный адвоката П. (заявителя по рассматриваемой жалобе) — Генеральный директор ООО «А.К.Б.» К-ев А.Е. признан виновным в совершении вымогательства и осужден по п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ к 3 годам лишения свободы. Согласно

приговору, К-ев А.Е. в целях личного обогащения разработал преступный план вымогательства денежных средств Компании «П.» и затем пытался этот план осуществить. Распространяя заведомо ложные сведения, позорящие Компанию «П.», К-ев А.Е. требовал передачи ему денежных средств в размере 20 300 000 рублей. При получении в рамках оперативного эксперимента от К., как представителя «П.», 2 000 000 рублей, К-ев А.Е. был задержан сотрудниками правоохранительных органов. Затем К. в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства давал показания о произошедших событиях в качестве свидетеля.

...Анализируя представленные участниками дисциплинарного разбирательства материалы, Квалификационная комиссия приходит к выводу, что в описанной ситуации руководство компаний «П.» привлекло адвоката К. именно для оказания им квалифицированной правовой помощи, чтобы разобраться в обоснованности претензий, выдвинутых руководителем ООО «А.К.Б.» К-евым А.Е. и выработать меры для разрешения возникшего конфликта, изначально облаченного в форму гражданско-правового спора между юридическими лицами. Сказанное подтверждается:

— содержанием «Письменных поручений» от 16 августа 2010 года главы филиала компании «Г. БЛП ЛЛП» адвокату К. о том, что ему предписывается оказывать ООО «П. Рус» и АО «П. (СНГ)» услуги в целях оказания всех видов юридической помощи по вопросам гражданского законодательства, гражданского и арбитражного процесса, корпоративного права, уголовного права и процесса, а также обеспечения представления их защиты в различных государственных органах, включая правоохранительные и судебные органы;

— отраженными в судебном приговоре показаниями ряда свидетелей, подтвердившими, что для разрешения возникшего конфликта руководство компаний «П.» обратилось в фирму «Г.БЛП», «и последняя представила им адвоката К., который в дальнейшем вел переговоры с К-евым А.Е.». Сам К. также указал на суде, что «с августа 2010 года он оказывал юридическую помощь Компании «П. (СНГ)», Финляндия, Представительство в Москве, и ООО «П. РУС»;

— расшифровкой переговоров К. и К-ева А.Е., где обсуждаются субарендные правоотношения хозяйственных обществ, вопросы юридического оформления досрочного расторжения договоров, порядок проведения взаиморасчетов сторон, необходимость со-

блюдения требований законодательства о валютном контроле, и т. д. (см. «Акт выдачи технических средств, копирования информации с технического средства на технический носитель, прослушивания и расшифровки записи» за 22—23 сентября 2010 года);

— адресованными в Адвокатскую палату г. Москвы письмами Генерального директора ООО «П. РУС» Д. от 16 января 2015 года и Главы представительства АО «П. Маркетинг СНГ» в г. Москве О. от той же даты, из которых следует, что эти компании считают действия адвоката К. юридически квалифицированными и предотвратившими ущерб в значительно большем размере от противоправных действий К-ева А.Е. Комиссия обращает особое внимание на указание в этих письмах, что адвокат К., *«действуя по нашему прямому поручению, обратился в правоохранительные органы в защиту законных прав и интересов группы компаний П., полностью действуя в соответствии с нашими намерениями»*.

Таким образом, Квалификационная комиссия сделала вывод, что адвокат К. был привлечен для оказания юридической помощи, действовал согласованно с руководством группы компаний «П.» и строго в их интересах. В ходе оказания такой помощи, изначально сводившейся к попытке разобраться в возникшем конфликте между юридическими лицами, были выявлены признаки уголовно-наказуемого деяния, скрывавшегося под видом спора хозяйствующих субъектов. Последнее обстоятельство зафиксировано обвинительным приговором Г. районного суда г. Москвы, где говорится, что *«действия подсудимого К-ева А.Е. носили именно криминальный характер под видом гражданско-правовых отношений»*.

Поэтому участие адвоката К. в дальнейшем развитии событий, связанных с документированием и изобличением противоправных действий, направленных против его доверителей, является вполне логичным и оправданным, осуществленным с согласия и при содействии руководства компаний группы «П.» (*«было принято решение записывать данную встречу на аудиозаписывающее устройство»* — из показаний К. на судебном процессе; см. также вышеприведенные письма руководства ООО «П. РУС» и Главы представительства АО «П. Маркетинг СНГ» от 16 января 2015 года). При этом из материалов дисциплинарного производства усматривается, что именно К-ев А.В. активно вовлек К. в процедуру передачи ему денег, которая затем была квалифицирована как вымогательство (*«Оплату за нераспространение информации компрометирую-*

щего характера в отношении ООО «П. РУС» К-ев А.Е. оценил в 10 000 000 рублей и сказал, что как только он (К.) вносит залог, он (К-ев А.Е.) сразу подписывает пропуска на вывоз имущества «П.» (см. с. 12 приговора Г. районного суда г. Москвы от 25 августа 2014 года). Там же констатировано, что, осуществляя свой преступный умысел и желая получить денежные средства в размере 20 300 000 рублей, К-ев А.Е. оказывал давление на представителя ООО «П. РУС» К. (с. 2). В «Акте выдачи технического средства...» от 22—23 сентября 2010 года, в числе прочего, зафиксирован такой фрагмент переговоров: *«К-ев А.Е.: ...Денежку когда принесешь? К.: Сейчас принесу. К-ев А.Е.: Денежку принесешь сейчас...»*. В данном случае добровольное участие адвоката К. в оперативно-розыскных мероприятиях, направленных на изобличение лица, пытающегося причинить существенный вред правам и законным интересам его доверителей, является разновидностью квалифицированной юридической помощи, открытый перечень которой содержится в ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (*«Адвокат вправе ... совершать иные действия, не противоречащие законодательству Российской Федерации»* — пп. 7 п. 3 ст. 6).

В этой же связи Квалификационная комиссия считает необоснованными утверждения заявителя о том, что К. в рассматриваемой ситуации выступал «в качестве негласного агента» и допустил запрещенное законом сотрудничество с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Такой подход не соответствует доктринальному и судебному толкованию нормативно-правовых положений, изложенных в действующем законодательстве, в том числе — в юридических конструкциях, на которые ссылается адвокат П. в своей жалобе.

В настоящее время действуют следующие предписания, касающиеся взаимоотношений представителей адвокатского сообщества и органов дознания в исследуемой части:

1. Статья 17 Закона «Об ОРД», называемая «Содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность», где, в частности, сказано, что *«Отдельные лица могут с их согласия привлекаться к подготовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий с сохранением по их желанию конфиденциальности содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в том числе по контракту... Органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, запрещается использовать*

конфиденциальное содействие по контракту депутатов, судей, прокуроров, адвокатов, священнослужителей и полномочных представителей официально зарегистрированных религиозных объединений».

2. Пункт 5 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: *«Негласное сотрудничество адвоката с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, запрещается».*

3. Пункт 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката: *сотрудничество с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в ходе осуществления адвокатской деятельности несовместимо со статусом адвоката.*

В специальной литературе разъясняется, для каких именно ситуаций предусмотрены приведенные выше запреты, а также: что допустимо для адвоката при взаимоотношениях с правоохранительными структурами. Комментаторы Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» приходят к выводу о том, что *«Сравнительный анализ нормы, закрепленной в п. 5 ст. 6 комментируемого Закона, и соответствующих положений Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и др. нормативно-правовых актов в этой сфере свидетельствует, что данный запрет распространяется на привлечение адвокатов оперативными работниками в качестве агентов. Такое их негласное сотрудничество не допускается»* (Гуляев А.П. и др. Комментарий к Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» с приложениями: Научно-практическое издание. М., 2004. С. 72). Здесь же отмечается: *«В то же время сотрудничество по делу с введом и в интересах доверителя (потерпевшего, обвиняемого) должно быть признано допустимым»* (Там же. С. 73). В ином литературном источнике, в свою очередь, сказано: *«Агентурные услуги, запрещенные адвокату, нельзя смешивать с его работой, предусмотренной законодательством. Она регламентирована в комментируемом Законе и УПК РФ».* Адвокат со стороны потерпевшего может участвовать в уголовном преследовании обвиняемого; обслуживая юридическое лицо, он может быть инициатором и активным участником уголовного преследования. (Лубшев Ю.Ф. Комментарий к Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (постатейный). М., 2002. С. 88—89). Еще один автор, анализируя положения Закона «Об ОРД», отмечает недопустимость привлечения адвокатов к сотрудничеству в ка-

честве агентов или доверенных лиц, а про известные ему факты пишет, что такие нарушения этими субъектами «совершаются вопреки интересам своих подзащитных» (Гармаев Ю.П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве. Средства предупреждения и нейтрализации. М. 2010. С. 314-315).

Что касается положений п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, то на этот счет существуют такие разъяснения: *«Может возникнуть вопрос, не означает ли норма п. 3.1 ст. 9 Кодекса установление запрета на взаимодействие адвоката, который представляет потерпевшего или, например, свидетеля, с осуществляющими оперативно-розыскную деятельность органами. Ответ следует из терминологической разницы между сотрудничеством, которое запрещается Кодексом, и содействием, разрешенным ст. 17 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (Пилипенко Ю.С. Научно-практический комментарий к Кодексу профессиональной этики адвоката. 2-е изд. М., 2013. С. 218).*

Вышеизложенное понимание анализируемых положений законодательства демонстрируют и судебные инстанции, отвергая попытки признать незаконными действия адвокатов по оказанию правовой помощи доверителям во взаимодействии с органами дознания в целях пресечения посягательств на права и законные интересы физических или юридических лиц. Сказанное подтверждается судебной практикой, примеры из которой представлены адвокатом К. при отстаивании его позиции. Комиссия предлагает заявителю обратить особое внимание на данные судебные акты, содержание которых опровергает позицию автора жалобы.

Так, в схожей с рассматриваемой ситуации Московский городской суд в Апелляционном определении от 15 мая 2014 года по делу № 10-4294 указал: *«Доводы апелляционной жалобы защитника Флеровой о том, что К. являлся агентом полиции, судебная коллегия находит необоснованными, поскольку по делу таких обстоятельств не установлено, а участие К. в оперативно-розыскном мероприятии не противоречит положениям закона, в том числе ФЗ РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», поскольку положения ст. 6 указанного ФЗ РФ, как вытекает из принципов, положенных в основу данного закона, запрещают негласное сотрудничество адвоката с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, вопреки интересам представляемых им лиц».*

Судебные органы также не усматривают дисциплинарных проступков в действиях адвокатов, в интересах своих доверителей контактировавших с представителями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. В этом смысле показательны уже упоминавшиеся судебные разбирательства по иску адвоката Г-ва к Адвокатской палате Волгоградской области. Ворошиловский районный суд г. Волгограда признал незаконным решение Совета Адвокатской палаты Волгоградской области об установлении в действиях адвоката Г-ва нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката и привлечении его к дисциплинарной ответственности (Решение от 17 января 2013 года по иску Г-ва к Адвокатской палате Волгоградской области). В указанном судебном акте были подробно проанализированы и отвергнуты как несостоятельные доводы, аналогичные тем, которые заявитель П. приводит в рассматриваемой жалобе.

Суд первой инстанции записал в своем решении, что Совет Адвокатской палаты Волгоградской области исходил из того, что, во-первых, истец (адвокат Г-в — *прим. Комиссии*) участвовал в двух оперативно-розыскных мероприятиях, проводимых под контролем оперативных работников УФСБ РФ по Волгоградской области — «наблюдение» и «оперативный эксперимент»; во-вторых, действия истца носили провокационный характер, а также то, что данные действия следует расценить как негласное сотрудничество адвоката Г-ва с оперативными службами УФСБ РФ по Волгоградской области. При этом в обоснование своих доводов ответчиком представлено заявление Г-ва, поступившее в УФСБ РФ по Волгоградской области, в котором истец ставит УФСБ РФ по Волгоградской области в известность о наличии предъявленных к нему со стороны N. требований по передаче ему денежных средств за незаконные действия, а также документы, представленные органу предварительного расследования, подтверждающие участие истца в оперативно-розыскном мероприятии «наблюдение», о чем составлено два рапорта, и оперативно-розыскном мероприятии «оперативный эксперимент». Вместе с тем, по мнению суда, при принятии решения об установлении в действиях адвоката Г-ва нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката и привлечении его к дисциплинарной ответственности в виде

досрочного прекращения статуса адвоката, Совет Адвокатской палаты должен был с достоверностью установить, что со стороны истца имело место негласное содействие с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в понимании положений Закона «Об ОРД», то есть на конфиденциальной основе по контракту. Однако материалы дела не содержат данных сведений и стороной ответчика не представлены. Сам факт участия Г-ва с его согласия в проведении оперативно-розыскных мероприятий «наблюдение» и «оперативный эксперимент» не может быть расценен судом как негласное содействие адвоката на конфиденциальной основе по контракту с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, поскольку законодатель в специальном Законе «Об ОРД», регламентирующем данную деятельность, выделил два этих понятия (оперативно-розыскные мероприятия и негласное содействие на конфиденциальной основе по контракту) в отдельные категории. При этом самим истцом факт негласного содействия на конфиденциальной основе по контракту с сотрудниками УФСБ Волгоградской области отрицается.

По мнению того же суда, поскольку адвокатская тайна в силу ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» распространяется на защиту интересов лица, защиту которого производит адвокат, и данная защита не распространяется на сведения о преступлениях иных лиц, задержанных в производстве по данному уголовному делу, то Г-ев в силу прямого указания закона обязан был сообщить правоохранительным органам о преступных посягательствах лиц, осуществляющих производство по данному делу, что в данном случае подразумевает подачу истцом указанного заявления. Между тем, суд полагает, что оснований для признания данных действий как негласное сотрудничество, влекущих нарушение положений Кодекса профессиональной этики адвоката и законодательства об адвокатуре и адвокатской деятельности в РФ, не усматривается. Суд приходит к выводу, что в данном случае имеет место оказание со стороны Г-ва помощи в раскрытии преступления со стороны другого лица. Все производимые Г-вым действия, в том числе участие в оперативно-розыскном мероприятии «наблюдение» и оперативно-розыскном мероприятии «оперативный эксперимент», являются лишь следствием поданного им заявления, поскольку ответчик не располагает данными о наличии оперативной связи

истца и УФСБ РФ по Волгоградской области. Таким образом, все охваченные данным дисциплинарным производством события происходили в рамках рассмотрения указанного заявления, проведения процессуальной проверки по нему и возбуждения уголовного дела, и должны рассматриваться как помощь Г-ва в раскрытии данного уголовного преступления. Отсутствие сведений об участии Г-ва в каких-то мероприятиях, в том числе и в рамках выявления настоящего уголовного преступления ранее, а также отсутствие сведений о наличии у истца долговременных, в том числе оформленных контрактом, связей с правоохранительными органами, позволяют сделать вывод об отсутствии оснований определять данные действия истца как негласное сотрудничество с правоохранительными органами, прямо запрещенное законом истцу как адвокату. При данных обстоятельствах у ответчика отсутствовало основание для привлечения истца к дисциплинарной ответственности.

С таким решением затем согласилась и вышестоящая судебная инстанция — Волгоградский областной суд, в своем апелляционном определении от 29 марта 2013 года по делу № 33-3105/2013 разъяснивший: *«В статье 17 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» прямо указано, что органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, запрещается использовать конфиденциальное содействие по контракту адвокатов. Учитывая действующее законодательство, адвокатам запрещается негласно сотрудничать с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность на конфиденциальной основе по контракту, иных запретов на участие адвокатов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности ни Закон «Об оперативно-розыскной деятельности», ни Закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» не содержит. Суд обоснованно пришел к выводу о том, что при принятии решения об установлении в действиях адвоката Г. нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката и привлечении его к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения статуса адвоката Совет Адвокатской палаты должен был с достоверностью установить, что со стороны адвоката имело место негласное сотрудничество с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в понимании положений Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», то есть на конфиденциальной основе по кон-*

тракту. Поскольку оснований для признания данных действий как негласное сотрудничество, влекущих нарушение положений Кодекса профессиональной этики адвоката и законодательства об адвокатуре и адвокатской деятельности в РФ, не усматривается, суд первой инстанции обоснованно пришел к выводу о том, что в данном случае имеет место оказание со стороны Г. помощи в раскрытии преступления со стороны другого лица. <...> судом первой инстанции установлено, что ответчик не располагает данными о наличии оперативной связи адвоката Г. и УФСБ РФ по Волгоградской области. Отсутствие сведений об участии Г. в каких-либо мероприятиях, в том числе и рамках выявления настоящего уголовного преступления до 2 мая 2012 г., а также отсутствие сведений о наличии у истца долговременных, в том числе оформленных контрактом, связей с правоохранительными органами позволяют сделать вывод об отсутствии оснований определять данные действия адвоката как негласное сотрудничество с правоохранительными органами, прямо запрещенное Законом истцу как адвокату». (См. также описанный в электронных средствах массовой информации случай изобличения в г. Санкт-Петербурге в получении взятки работника прокуратуры с участием адвоката Б-ра: Петербургский правовой портал «Ваш тайный советник», публикации за 21 апреля и 23 июня 2008 года).

Вышеизложенные выводы о неправомерности буквального толкования положений норм о негласном сотрудничестве адвокатов с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, подтверждаются и представленными участниками настоящего дисциплинарного разбирательства процессуальными документами, свидетельствующими о том, что сторона защиты К-ва неоднократно на протяжении различных стадий судопроизводства по уголовному делу указанного лица пыталась использовать те же доводы, которые затем изложил адвокат П. в своей жалобе в Адвокатскую палату г. Москвы. В «Ходатайстве-заявлении (в порядке ч. 4 ст. 217 УПК РФ)», направленном 5 апреля 2014 года следователю М. (копия в прокуратуру ЮЗАО г. Москвы) адвокатом Ч. неоднократно указывается на имеющиеся, по мнению автора, нарушения, так или иначе связанные с документированием контактов К. с К-вым А.Е. (с. 6, 8, 10, 11). Затем, в ходе судебного процесса, защитник П. (автор рассматриваемой жалобы) совместно с коллегой Ч. неоднократно пытался убедить суд признать доказательства в деле недопустимыми, указывая на: вовлечение в оперативный экспери-

мент «в качестве милицейского агента... адвоката К.» с использованием последним «частного капитала» (ходатайство от 12 августа 2014 года); несоблюдение требований закона о проведении оперативно-розыскных мероприятий, в которых участвовал К. (ходатайство от 12 августа 2014 года); участие «негласного агента адвоката К.» в ОРМ как повод для признания недопустимым доказательством постановления о проведении оперативного эксперимента (ходатайство от 16 июля 2014 года); проведение ОРМ не уполномоченным на то лицом (ходатайство от 16 июля 2014 года) и др. Однако, как следует из представленных в распоряжение Квалификационной комиссии материалов, ни следователь, ни прокурор, ни затем суд не усмотрели нарушений закона в действиях, в которых принимал участие адвокат К. (см., например, протокол судебного заседания Г. районного суда г. Москвы от 18 июля 2014 года по делу № 1-263/14). По итогам судебного разбирательства был сделан вывод, что «Судом не установлено существенных нарушений уголовно-процессуального закона органами следствия, в том числе и нарушений, влекущих признание недопустимыми доказательств, положенных в основу настоящего приговора» (С. 25 Приговора).

Комиссия, как и судебные органы в подобных случаях, также считает, что не являются упречными действия лиц, по собственной инициативе фиксирующих с помощью технических средств свои контакты с теми, от кого исходит угроза уголовно-правового посягательства. Если результаты подобной фиксации передаются и используются органам предварительного расследования с соблюдением предусмотренных процессуальным законодательством процедур, такие доказательства признаются допустимыми, а поведение лиц, их получивших, — правомерным. Указанный подход в полной мере нашел свое отражение в судебной практике Верховного Суда РФ. Рассматривая доводы, идентичные тем, которые использует заявитель П. в настоящей жалобе, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в кассационном определении от 11 сентября 2012 года № 74-О12-14СП записала: «*Не имеет оснований и для признания аудиозаписи разговоров, зафиксированной на флэш-карте, и самой указанной карты недопустимым доказательством. Выводы суда, изложенные в постановлении об отказе в удовлетворении ходатайства защиты, соответствуют фактическим обстоятельствам дела, при которых данная запись была сделана, и положениям закона. Ссылки стороны защиты на нарушение про-*

*цессуальных норм и требований закона, регулирующего оперативно-розыскную деятельность, неприменимы к данному случаю, поскольку аудиозапись сделана свидетелем по собственной инициативе до возбуждения уголовного дела и была приложена потерпевшим к его заявлению о совершенном преступлении. Сторона защиты не была лишена возможности в ходе допросов выяснить обстоятельства производства указанной записи. В дальнейшем следователь осмотрел карту в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства и признал ее вещественным доказательством». В другом случае Верховный Суд РФ в кассационном определении от 18 ноября 2005 года № 48-О05-99сп указал: «*Доводы Белюченко о необоснованном отказе в удовлетворении его ходатайства о признании недопустимыми доказательствами протоколов осмотра и прослушивания аудиозаписи телефонного разговора между ним и Г. вещественного доказательства — аудиокассеты <...>, являются несостоятельными. Как видно из материалов дела, Г. по собственной инициативе произвела запись телефонного разговора между нею и Белюченко, который имел место 11—12 марта 2003 года, где Белюченко указал, что деньги она должна передать Хайруллову, т. е. данный разговор относился к предъявленному обвинению в вымогательстве 26 февраля 2003 года Белюченко, Рубцовым и Хайрулловым <...> рублей у Г. 17 марта 2003 года, в день возбуждения уголовного дела, Г. добровольно выдала аудиокассету с записью данного разговора, которая в установленном законом порядке была осмотрена, прослушана и приобщена к материалам дела в качестве вещественного доказательства, при этом осмотр и прослушивание фонограммы разговора проведен с участием понятых. Согласно ч. 2 ст. 86 УПК РФ потерпевший вправе представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств».**

Комиссия специально отмечает, что правовая оценка для таких случаев не изменяется, когда технические средства фиксации использует лицо, имеющее статус адвоката и действующее в интересах своего доверителя. В уже приводившемся выше примере из практики Ворошиловского районного суда г. Волгограда (Решение от 17 января 2013 года по иску Г-ва к Адвокатской палате Волгоградской области) отмечено: «... *то обстоятельство, что первые из магнитофонных записей разговоров с N. истец мог вести до обращения в УФСБ РФ по Волгоградской области в рамках своей частной инициативы, т. е. до обращения его в правоохранительные органы, не меняет сути*

данного вопроса. При данных обстоятельствах у ответчика отсутствовало основание для привлечения истца к дисциплинарной ответственности за нарушение Кодекса профессиональной этики адвоката и законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ».

В результате проведенного исследования материалов дисциплинарного производства Квалификационная комиссия не усмотрела оснований для того, чтобы считать презумпцию добросовестности адвоката К., действовавшего строго в интересах своего доверителя, опровергнутой, а самого адвоката — подлежащим дисциплинарной ответственности. Поэтому на своем заседании 21 января 2015 года по итогам голосования все члены Комиссии высказались о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката К. вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Впоследствии Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы № 12 от 10 февраля 2015 года дисциплинарное производство в отношении адвоката К. было направлено Квалификационной комиссией для нового разбирательства. В Решении отмечено:

«Совет Адвокатской палаты г. Москвы считает, что, правильно установив фактические обстоятельства, Квалификационная комиссия дала им неправильную оценку и пришла к необоснованному выводу об отсутствии в действиях адвоката К. нарушений требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Согласно ч. 5 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» № 63-ФЗ от 31.05.2002 года **«Негласное сотрудничество адвоката с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, запрещается»**. Согласно пп. 3.1 п. 3 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката **«сотрудничество с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в ходе осуществления адвокатской деятельности несовместимо со статусом адвоката»**. Таким образом, в нормативных актах содержится прямой запрет на сотрудничество адвоката с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

Действия, совершенные адвокатом К. при представлении интересов его доверителя ООО «П. РУС» и Компании «П. Маркетинг

(СНГ), не являются формой оказания юридической помощи. Статус адвоката в принципе не позволяет опускаться до уровня оперативной деятельности. Адвокаты должны избегать в своей деятельности совершения действий, которые могут рассматриваться как действия, порочащие честь и достоинство адвоката, умаляющие авторитет российской адвокатуры».

При новом рассмотрении дисциплинарного производства 25 марта 2015 года Квалификационная комиссия заслушала представителя адвоката К. — адвоката Г., подтвердившего неизменность позиции своего доверителя об отсутствии в его действиях нарушения законодательства об адвокатской деятельности и изучила дополнительно представленные документы.

Так, адвокат К. представил «Письменные объяснения (дополнительные)» от 25 марта 2015 года (вх. № 1107 от 24.03.2015), дополнительно уточнив, что в рамках рассмотрения уголовного дела Г. районным судом г. Москвы по обвинению К-ева А.Е. стороной защиты (т.е. и П.) неоднократно заявлялись различные ходатайства об исключении из перечня доказательств. В удовлетворении всех названных ходатайств, доводы которых полностью повторяются в жалобе адвоката П., стороне защиты судом было отказано по причине отсутствия нарушений закона. Более того, в ходе судебного заседания от 12 августа 2014 года стороной защиты также заявлялось ходатайство об исключении из перечня доказательств билетов банка России достоинством 5000 руб. каждый, приобщенных к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств, а также протокола осмотра предметов от 28 февраля 2010 года с приложением к нему, в котором также судом было отказано по упомянутым причинам. Таким образом, правомерность участия К. в оперативных мероприятиях, предоставления им денежных средств для использования в оперативном эксперименте была подтверждена Г. районным судом г. Москвы и каких-либо нарушений закона в его действиях обнаружено не было. По итогам рассмотрения уголовного дела К-еву А.Е. был вынесен обвинительный приговор от 25 августа 2014 года, который также подтвердил законность указанных выше действий. Правомерность действий К. также была подтверждена и Московским городским судом, поскольку его Апелляционным определением от 25 февраля 2015 года по делу приговор был оставлен без изменений.

Комиссии вместе с дополнительными объяснениями была представлена копия апелляционного определения от 25 февраля 2015

года по делу № 10-1243/2015 в отношении К-ева А.Е., согласно которому Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда оставила без изменения приговор Г. районного суда г. Москвы от 25 августа 2014 года. В определении, в частности, указано, что суд, сохраняя беспристрастность, обеспечил проведение судебного разбирательства, всестороннее и полное исследование обстоятельств дела на основе принципов состязательности сторон, их равноправия перед судом, создав необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (с. 8). При этом нарушений закона в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства не допущено (с. 10).

Повторно проанализировав материалы настоящего дисциплинарного производства с учетом дополнительно собранных материалов, Квалификационная комиссия приходит к следующим выводам.

Всестороннее изучение проблемы возможности участия адвоката в оперативно-розыскных мероприятиях демонстрирует отсутствие единого подхода к ее разрешению не только в деятельности дисциплинарных органов адвокатского самоуправления, но и в юридической литературе, а также в судебной практике. В основе обозначенного разнообразия позиций, прежде всего, лежит неопределенность нормативно-правовой базы, включающей в себя различные формулировки соответствующих императивных предписаний.

Признавая неординарность исследуемой ситуации и обозначая имеющиеся противоречия актуальных для рассмотрения данной коллизии нормативно-правовых установок, о чем уже говорилось выше и будет сказано далее, Комиссия в первую очередь считает важным высказать свое отношение по вопросу о соотношении социально значимых функций, возложенных на адвокатуру, и оперативно-розыскной деятельностью как одной из форм защиты государством своих граждан и общественных интересов.

В Законе «Об ОРД» оперативно-розыскная деятельность определяется как вид деятельности, осуществляемой специальными подразделениями государственных органов. По этому поводу в специальной литературе отмечается, что ОРД «является разновидностью правоохранительной деятельности, которая имеет исключительно государственный характер» (Теория оперативно-розыскной деятельности: Учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. М., 2014. С. 6). Она реализуется на практике госу-

дарственными органами и «выполняет наиважнейшую функцию защиты интересов граждан, общества и государства в целом» (Горбухов В.А. Оперативно-розыскная деятельность: конспект лекций. Ростов-на-Дону. 2014. С. 11).

Законодательно определены и цели ОРД, направленные на защиту жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств (ст. 1 Закона «Об ОРД»). Нетрудно заметить, что, различаясь по методам своей работы, такого рода деятельность не содержит кардинальных различий в целеполагании с институтом адвокатуры, поскольку «защита права своих клиентов и отстаивая интересы правосудия, юристы должны содействовать защите прав человека и основных свобод, признанных национальным и международным правом» (Основные принципы, касающиеся роли юристов, приняты 8-м Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в Гаване, Куба, 27 августа-7 сентября 1990 года; См. также п. 1 ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Наличие единых целей не отрицает, а, наоборот, подразумевает разумное взаимодействие представителей адвокатуры с государственными структурами, стоящими на страже закона: «Адвокатская деятельность в виде правовой помощи защиты прав личности должна быть признана необходимым компонентом государственной правоохранительной деятельности и правосудия. ...Адвокатура, являющаяся органической частью правозащитного механизма и непременным участником правосудия, причастна к укреплению правопорядка в стране, поддержанию устойчивых правоотношений и формированию той правовой культуры, которая должна соответствовать правовому государству» (Адвокатура. Государство. Общество: Сборник материалов VII ежегодной научно-практической конференции / ФПА РФ. 2010. С. 92).

Не случайно Федеральная палата адвокатов РФ в докладе «Конституция Российской Федерации и защита прав гражданина (позиция российской адвокатуры)» (Москва, 2013), говоря о месте адвокатуры в системе обеспечения прав и свобод граждан, первоочередной среди стоящих актуальных задач указала: «Адвокатура вместе с государством, его органами и должностными лицами (Примечание — выделено Комиссией) встает на защиту нарушенных прав, когда права гражданина нарушены другими гражданами». Сле-

дует заметить, что в рассматриваемом дисциплинарном деле адвоката К. имеет место именно такой случай.

Правоприменительной практике хорошо известно об обусловленных положениями закона возможностях полного или частичного совпадения задач, стоящих перед органами уголовного преследования и иными участниками судопроизводства, чьи интересы представляют члены адвокатского сообщества. В этих случаях обоснованно говорится об адвокатах, выступающих на стороне обвинения в качестве представителей потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя (См.: Адвокатура в Российской Федерации: Учебник / А.В. Гриненко, Ю.А. Костанов и др. М., 2012. С. 167-169). Не существует законодательных запретов и для такого рода деятельности в интересах доверителя в ходе проведения так называемой доследственной проверки. Между тем и до возбуждения уголовного дела и на стадии предварительного расследования нередко задействованы органы, правомочные осуществлять оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ). И если в таких случаях эти действия проводятся в интересах и по инициативе, либо с ведома доверителя адвоката, для достижения социально значимых целей и задач, было бы неправильно исключить те или иные формы профессиональных контактов адвоката с оперативными работниками, как-то: обмен информацией, предоставление документов, дача письменных объяснений, оформление согласия на прослушивание домашнего или мобильного телефона, получение рекомендаций о соблюдении мер безопасности, и т.п.

Не случайно адвокат, эксперт по международному уголовному праву Владимирофф М. подчеркивает, что адвокат должен делать то, что сделал бы его клиент, если бы он обладал юридическими знаниями и опытом своего адвоката. Он обязан безоговорочно применять свой юридический опыт и компетентность в интересах клиента. Выполнение этого обязательства предполагает, что адвокат будет по максимуму использовать все возможные инструменты и методы защиты (Некоторые размышления о независимых адвокатах, роли адвоката защиты и надлежащем судебном процессе // Правовое измерение международного сообщества: элементы мозаики: Сборник статей. М., 2013. С. 95).

В рассматриваемом контексте необходимо также отметить, что существует ряд предусмотренных законом правовых механизмов, имманентно обуславливающих потребность в сотрудничестве адво-

катов с представителями органов, которым предоставлено право заниматься ОРД. Речь идет о государственной защите некоторых категорий лиц, задействованных в уголовном процессе, и о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Очевидно, что осуществление мер, предусмотренных законом от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», может быть успешным лишь при надлежащем взаимодействии адвокатов, представляющих интересы защищаемых лиц, с сотрудниками органов, реализующих государственную защиту, которые по своему правовому статусу вправе проводить ОРМ. Важно также отметить, что в число потенциально охраняемых лиц указанный закон включает защитников обвиняемых и подозреваемых, а это обстоятельство само по себе подразумевает плотное взаимодействие с работниками специальных служб в негласном режиме.

Безоговорочный запрет для адвоката на взаимодействие с оперативными работниками в значительной степени препятствует и реализации уголовно-процессуальных положений, предусматривающих возможность заключения досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ), на что совершенно справедливо обращает внимание Кныш А.Ю. в своей статье (<http://адвокатвтамбове.рф/forum/viewtopic.php?f=53&t=12859>). Автор вполне аргументированно отмечает проблемы, встающие при реализации отмеченных положений закона: стремясь добиться соглашения о сотрудничестве и затем реализуя его, адвокату невозможно не взаимодействовать со следственными и оперативными сотрудниками. Однако при этом добросовестного адвоката легко можно обвинить в запрещенном адвокатским законодательством сотрудничестве с последними. Помимо этого, адвокат, выполняя свою работу, должен принимать участие в обеспечении безопасности доверителя и его близких, а это также нельзя сделать без рабочих контактов со следователями и сотрудниками, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. «Более того, — подчеркивает автор, — адвокатская деятельность — это не только защита, но и представление интересов потерпевшей стороны, и в этой ситуации сама форма говорит, что адвокат находится на стороне обвинения. Тогда возникает вопрос: а как он может выполнить свои полномочия в полном объеме, не контактируя с сотрудниками, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность?»

Не случайно в литературных источниках комментаторы положений Закона «Об ОРД», ограничивающих возможности использования конфидентов, оговариваются: «Вместе с тем важно отметить, что конфиденциальное сотрудничество с перечисленными категориями лиц полностью не исключается. ФЗ об ОРД запрещает только контрактную форму содействия, что не исключает привлечения вышеназванных лиц для подготовки и проведения ОРМ на бесконтрактной основе, например для участия в проведении оперативного эксперимента для выявления и документирования факта коррупции, проведения ОРМ, направленных на обеспечение государственной безопасности, раскрытие похищения человека, угрозы убийством и других преступлений» (Теория оперативно-розыскной деятельности... С. 194; Комментарий к Федеральному закону Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности». Под ред. А.И. Алексеева и В.С. Овчинского. М., 2014. С. 147).

В свою очередь, как уже отмечалось выше, существует точка зрения, что приведенный подход вполне правомерен и применительно к содержанию Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (Гуляев А.П. и др. Комментарий к Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» с приложениями: Научно-практическое издание. М., 2004. С. 72-73; Лубшев Ю.Ф. Комментарий к Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (постатейный). М., 2002. С. 88-89).

Квалификационная комиссия отмечает, что число случаев, когда юристы, в том числе адвокаты, по инициативе доверителя или по обращению представителей правоохранительных органов вовлекаются в работу по изобличению лиц, посягающих на законные права и интересы юридических лиц и граждан, постоянно растет. Только за время с момента поступления в Адвокатскую палату г. Москвы жалобы на адвоката К. имели место следующие случаи, освещенные в средствах массовой информации:

— с участием заместителя начальника отдела правового управления Росалкогольрегулирования А. К-ова, согласившегося участвовать в оперативном эксперименте, были задержаны вымогатели, включая бывшего сотрудника ФСБ РФ, незаконно требовавшие деньги от руководителя указанного ведомства Ч. (Коммерсантъ. 17.02.2015. № 27);

— в Краснодарском крае заместитель начальника отдела наркоконтроля предложил адвокату обвиняемого за 500 000 рублей прекращение уголовного дела. Согласовав свои действия с доверителем, защитник сообщил о поступившем ему предложении в следственный комитет, после чего в результате проведения ОРМ сотрудник ФСКН был задержан (<http://pravo.ru/news/view/115803/>).

Кроме того, 10 декабря 2014 года судьей Московского городского суда было вынесено постановление № 4у/1-4916/2014 «Об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции» по вышеупомянутому делу в отношении изобличенного во взятке работника транспортной прокуратуры. Оно в значительной степени схоже с рассматриваемым делом с участием адвоката К. — как событиями, лежащими в основе обвинения, так и позицией защитников обвиняемых, пытавшихся опорочить адвоката К. как «агента полиции» и счесть его поведение неправомерным. В ответ в судебном постановлении сказано: *«Утверждение стороны защиты о том, что свидетель ... не мог выступить в ОРМ в качестве взяткодателя также является несостоятельным. Как верно указано в апелляционном определении, свидетель ... в процессе проверки прокуратуры представлял интересы указанных юридических лиц в соответствии с доверенностями, и требование о передаче взятки за прекращение данной проверки поступило к нему именно в связи с представлением им интересов указанных юридических лиц. Также несостоятельным является довод защиты о том, что протокол допроса свидетеля ... является недопустимым доказательством в связи с тем, что последний является адвокатом и не может давать показания об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с оказанием юридической помощи. По смыслу закона, адвокат не может быть допрошен в качестве свидетеля лишь по тем обстоятельствам, которые противоречат позиции лица, которому он оказывает юридическую помощь. По настоящему же делу, ... участвовал в ОРМ и впоследствии допрашивался в качестве свидетеля с ведома, в интересах и по поручению лиц, которым он оказывал юридическую помощь. В связи с изложенным, каких-либо нарушений закона при допросе ... в качестве свидетеля и при участии последнего в ОРМ не усматривается».*

На данный момент Квалификационная комиссия, сопоставляя материалы рассматриваемого дела в отношении адвоката К. с изу-

ченной дисциплинарной и судебной практикой, а также литературными источниками, делает выводы, что имеют место:

1) Очевидные противоречия между положениями Закона «Об ОРД», Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката.

Закон «Об ОРД» содержит запрет на использование конфиденциального содействия адвокатов только по контракту. При этом «контрактная форма содействия предполагает обязательное заключение договора о сотрудничестве, в котором оговариваются специальные условия и требования сотрудничества, а также права и обязанности сторон» (Комментарий к Федеральному закону Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности». Под ред. А.И. Алексеева и В.С. Овчинского. М., 2014. С. 146). В свою очередь, в учебном пособии А.Н. Халикова «Оперативно-розыскная деятельность» (М., 2013, С. 85) разъясняется, что конфиденциал-контрактник (агент) — это лицо, не являющееся штатным работником оперативно-розыскного органа, которое в соответствии с оперативно-розыскным законодательством заключило контракт со взаимными правами и обязанностями с данным органом по инициативе и решению последнего о конфиденциальном постоянном сотрудничестве для достижения целей и решения задач, предусмотренных законодательством, регулирующим ОРД.

В отличие от Закона «Об ОРД», Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в буквальном его прочтении содержит абсолютный запрет на негласное сотрудничество с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Однако, как уже отмечалось ранее, такая категоричность не разделяется не только судебной практикой, отраженной в выносимых судебных решениях, но и находит обоснованные возражения в доктринальном толковании соответствующих правовых норм. При этом призванный детализировать предписания Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» Кодекс профессиональной этики адвоката в ст. 3.1 рассматриваемый запрет сводит к сотрудничеству «в ходе осуществления адвокатской деятельности», что, получается, дает возможность адвокату безгранично содействовать органам, осуществляющим ОРД, в свободное от работы время. С другой стороны, если адвокаты наказуемы лишь за деяния, исполненные в ходе осуще-

ствления адвокатской деятельности, то адвокат К. не подлежит дисциплинарной ответственности, поскольку Совет Адвокатской палаты г. Москвы установил своим Решением № 12 от 10 февраля 2015 года, что «действия, совершенные адвокатом К. при представлении интересов его доверителя ООО «П. РУС» и компании «П. Маркетинг (СНГ), не являются формой оказания юридической помощи (Выделено Комиссией)».

Специалисты, анализировавшие ранее как новеллу ст. 3.1 Кодекса профессиональной этики адвоката, выявили очевидные различия в законе и подзаконном акте. Так, адвокат Раудин В.В. определил, что норма Кодекса имеет три существенных отличия от законодательной нормы. «Во-первых, Кодекс запрещает не любое сотрудничество с указанными органами, а лишь сотрудничество в ходе осуществления адвокатской деятельности. Во-вторых, Кодекс запрещает не только негласное сотрудничество (о котором говорится в п. 5 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре), но и любое иное (если оно имеет место в ходе осуществления адвокатской деятельности). В-третьих, Кодекс не просто содержит запрет на сотрудничество с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, но и указывает на несовместимость нарушения этого запрета со статусом адвоката» (><http://of-law.ru/stati/izmenenie-obshchikh-pravil-advokatskoj-professii.html>>).

2) Явное и устойчивое противоречие между буквальным (грамматическим) толкованием анализируемого положения Закона об адвокатуре и его судебным (ограничительным) толкованием.

Примеры сказанному встречаются как в судебных актах первой инстанции, так и в решениях апелляционных и надзорных органов:

— «В статье 17 Закона «Об оперативно розыскной деятельности» прямо указано, что органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, запрещается использовать конфиденциальное содействие по контракту адвокатов. Учитывая действующее законодательство, адвокатам запрещается негласно сотрудничать с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность на конфиденциальной основе по контракту, иных запретов на участие адвокатов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности ни Закон «Об оперативно розыскной деятельности», ни Закон «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» не содержит. Суд обоснованно пришел к выводу о том, что при принятии решения об установлении в действиях адвоката Г. нарушений норм законода-

тельства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката и привлечения его к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения статуса адвоката Совет Адвокатской палаты должен был с достоверностью установить, что со стороны адвоката имело место негласное сотрудничество с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в понимании положений Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», то есть на конфиденциальной основе по контракту. Поскольку оснований для признания данных действий как негласное сотрудничество, влекущих нарушение положений Кодекса профессиональной этики адвоката и законодательства об адвокатуре и адвокатской деятельности в РФ, не усматривается, суд первой инстанции обоснованно пришел к выводу о том, что в данном случае имеет место оказание со стороны Г. помощи в раскрытии преступления со стороны другого лица» (Апелляционное определение по делу № 33-3105/2013, вынесенное 9 марта 2013 года Судебной коллегией по гражданским делам Волгоградского областного суда по апелляционной жалобе Президента Адвокатской Палаты Волгоградской области К. на решение Ворошиловского районного суда города Волгограда от 17 января 2013 года);

— «Доводы апелляционной жалобы защитника Флеровой о том, что К. являлся агентом полиции, судебная коллегия находит необоснованными, поскольку по делу таких обстоятельств не установлено, а участие К. в оперативно-розыскном мероприятии не противоречит положениям закона, в том числе ФЗ РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», поскольку положения ст. 6 указанного ФЗ РФ, как вытекает из принципов, положенных в основу данного закона, запрещают негласное сотрудничество адвоката с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, вопреки интересам представляемых им лиц» (Апелляционное определение Московского городского суда от 15 мая 2014 года по делу № 10-4294);

— См. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Ростовского областного суда от 20 июля 2011 года по делу № 22-5205/11, а также судебные решения по уголовному делу в отношении доверителя заявителя — осужденного К-ва А.Е.

Выявлен единственный случай, когда надзорная инстанция, отменяя по совокупности причин обвинительный приговор, усомнилась в правомерности действий адвоката. Согласно приговору Усть-Джегутинского районного суда Карачаево-Черкесской Рес-

публики от 16 января 2014 года, первоначально вовлеченный в противоправную деятельность адвокат Л., осознав незаконность своих действий и добровольно отказавшись от дальнейшего участия в изъятии денежных средств у подзащитного (В). и их передаче следователю Аппоеву М.Х., обратился в Управление ФСБ России по КЧР с письменным заявлением об оказании помощи по пресечению противоправных действий Аппоева М.Х. Затем с участием адвоката Л. сотрудниками Управления ФСБ России по КЧР был проведен комплекс оперативно-розыскных мероприятий, направленных на фиксацию и документирование преступной деятельности следователя Аппоева М.Х. Однако после вступления обвинительного приговора в законную силу, его отменил Президиум Верховного суда КЧР постановлением № 44У-20/2014 от 28 августа 2014 года и при этом, в частности, указал: «Суд не оценил соответствие закону «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в РФ» участие адвоката в негласных оперативно-розыскных мероприятиях».

3) Отсутствие единых подходов и дисциплинарной практики в работе органов адвокатского самоуправления.

В ряде случаев при содействии проведению ОРМ органы адвокатского самоуправления усматривали в действиях адвокатов дисциплинарные проступки и наказывали их, вплоть до прекращения статуса.

Напротив, давая разъяснения по надлежащему поведению, Адвокатская палата г. Москвы не сочла упречными действия адвоката, давая согласие на участие в мероприятиях по изобличению вымогателя, шантажировавшего его доверителя. Данный случай зафиксирован в переписке, которая обнаружена Квалификационной комиссией в архивах Адвокатской палаты г. Москвы.

В 2010 году к Президенту Адвокатской палаты г. Москвы обратился адвокат Гусев М.А. с запросом следующего содержания (вх. № 4274 от 22.12.2010): «Прошу Вас, руководствуясь п. 19 ч. 3 ст. 31 63-ФЗ; ч. 4 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката, дать разъяснения по поводу возможных действий адвоката в сложной ситуации, касающейся соблюдения этических норм. Доверитель обратился к адвокату за оказанием юридической помощи (консультации и, возможно, защиты) по уголовному делу, возбужденному по ст. 159 УК РФ, в заявлении потерпевшего были указаны ф.и.о. доверителя как лица, получившего денежные средства путем обмана, но

по делу доверитель не имел никого процессуального статуса. Неустановленное лицо, по телефону представившись старшим следователем, капитаном юстиции ГСУ угрожало доверителю лишением свободы в случае отказа доверителя написать обратную расписку в получении денежных средств, предоставленных в заем доверителем заявителю по уголовному делу. При встрече с адвокатом неустановленное лицо подтвердило свои намерения лишить свободы доверителя и возбудить еще одно уголовное дело. Адвокат рекомендовал доверителю обратиться в УСБ МВД с заявлением о противоправных действиях «следователя». В рамках данного обращения адвокат дал объяснения сотрудникам департамента УСБ о происшедших событиях. Сотрудники УСБ и доверитель обратились к адвокату с просьбой участвовать в переговорах доверителя и «следователя», которые будут записываться на видео- и аудионосители в рамках Закона об ОРД. В соответствии с ч. 5 ст. 6 закона № 63-ФЗ негласное сотрудничество адвоката с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, запрещается. Имеет ли право адвокат в вышеизложенной ситуации защитить своего доверителя от противоправных действий неустановленного лица (возможно, следователя ГСУ) путем участия адвоката в переговорах, организованных в рамках закона об ОРД с производимой на них видео- и аудиозаписью, впоследствии используемой в качестве доказательства в суде?».

За подписью члена Совета Адвокатской палаты г. Москвы, председателя Комиссии по защите профессиональных и социальных прав адвокатов Зиновьева Р.Ю. обратившемуся был дан следующий ответ (исх. № 432 от 14.02.2011): «Уважаемый Максим Александрович! По поручению Президента Адвокатской палаты г. Москвы мною рассмотрен Ваш запрос по вопросу о возможности сотрудничества адвоката с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Соответствующие устные разъяснения и рекомендации по Вашей конкретной ситуации были даны Вам мною в ходе телефонного разговора 28 декабря прошлого года. Еще раз подтверждаю возможность такого сотрудничества с ведома и в интересах Вашего доверителя, убедительно прошу информировать палату о результатах такого сотрудничества. Особый интерес представляет личность «следователя», предъявлявшего незаконные требования к Вашему доверителю и его дальнейшая судьба после проведения оперативно-розыскного эксперимента». По сведениям Комиссии, после получения ответа адвокат принял участие в оказании помощи сотрудни-

кам УСБ МВД РФ в задержании лица, шантажировавшего его клиента и выдававшего себя за следователя.

Иной подход был применен Адвокатской палатой Московской области при рассмотрении жалобы на адвоката К. На официальном сайте палаты этот случай, уже упоминавшийся ранее, приводится с заголовком «При наличии правовой неопределенности в вопросе о возможности гласного сотрудничества адвоката с органами, осуществляющими ОРД, Квалификационная комиссия исходит из необходимости толкования любых противоречий в пользу адвоката, привлекаемого к дисциплинарной ответственности»: «Квалификационная комиссия, рассмотрев в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное распоряжением президента АПМО от 06.11.2013 по жалобе адвоката Т. в отношении адвоката К., установила, что, как указывается в жалобе, в период предварительного расследования уголовного дела адвокат К., намереваясь впоследствии выдвинуть и подтвердить гипотезу об умысле следователя на получение взятки за совершение незаконных действий в пользу подзащитного, обратился в ГУ собственной безопасности МВД России с заявлением, в котором изложил сведения о вымогательстве взятки следователем и просьбу о проведении комплекса оперативно-розыскных мероприятий в отношении следователя К-ва, приложив заявление подзащитного от 17.05.2013 г. и флеш-накопитель с двумя аудиофайлами. 23.05.2013 г. адвокат К. получил в ГУСБ аудиозаписывающее устройство для скрытной фиксации разговора со следователем К-ым. Затем под негласным контролем оперативных работников адвокат К. договорился с ним о следующей встрече для передачи денег, о чем проинформировал должностных лиц ГУСБ, а также дал письменное согласие на непосредственное личное участие в оперативно-розыскном мероприятии, целью которого было задержание следователя К-ва «с поличным». 24.05.2013 г. адвокат К. получил от должностных лиц ГУСБ 100 000 рублей, а также муляж денежных купюр, имитирующих 100 000 евро. 24.05.2013 г. адвокат К. лично передал следователю К-ву денежные средства и муляж денежных купюр. После фактической передачи денег и муляжа следователю К-ву последний был задержан по условному сигналу адвоката К., принявшего затем участие в документировании результатов провокации, совершенной под видом ОРМ. <...> В письменных объяснениях, оглашенных в заседании комиссии, адвокат К. не отрицает обстоятельств, изложенных в жалобе, но со ссылкой на научно-практические ком-

ментарии к ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» отмечает, что «в своей деятельности адвокат не имеет права на запрещенное законом сотрудничество с правоохранительными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность по делу, которое ведет адвокат», а он никогда не сотрудничал с органами, осуществляющими ОРД, а участие в ОРМ сотрудничеством не является. Действовал по поручению и в интересах своего доверителя. <...> ...Учитывая, что адвокат К. не отрицает своего участия в ОРМ «контрольная закупка», проведенного в отношении следователя К-ва, комиссия указывает, что, согласно п. 3.1 ст. 9 КПЭА, сотрудничество с органами, осуществляющими ОРД, несовместимо со статусом адвоката. При этом, в силу п. 5 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» запрещается негласное сотрудничество адвоката с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, а согласно ст. 17 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», допускается гласное содействие адвокатов с органами, осуществляющим ОРД. В соответствии с приведенными нормами комиссия констатирует наличие правовой неопределенности по рассматриваемому вопросу: если КПЭА запрещает любое сотрудничество адвоката с органами, осуществляющими ОРД, то ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» устанавливает запрет только на негласное сотрудничество с данными органами, а ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» прямо разрешает гласное сотрудничество адвоката с органами, осуществляющими ОРД. Согласно ст. 2 КПЭА, Кодекс профессиональной этики адвоката дополняет правила, установленные законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре. Однако, п. 3.1 ст. 9 КПЭА фактически расширяет ограничения, установленные п. 5 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ». В такой ситуации, исходя из общего правового принципа необходимости толкования любых противоречий в пользу лица, привлекаемого к ответственности, Квалификационная комиссия считает, что данное противоречие должно быть истолковано в пользу адвоката К. Кроме того, Квалификационная комиссия констатирует, что рассматривая достаточно схожую ситуацию, доктринальный источник по вопросам адвокатской этики отмечает, что «здесь речь идет уже вовсе не о помощи в карательной деятельности, а о помощи другим людям, о предотвращении реально нависшей над ними беды» (Ария С.Л. Жизнь адвоката. М. 2013 г. С. 35). Как следует из объяснений адвоката и не опровергается иными доказатель-

ствами, адвокату К. было предложено совершить преступление — передать денежные средства от своего доверителя следователю. Поэтому, действуя в интересах доверителя, адвокат участвовал в гласном сотрудничестве с органами, осуществляющими ОРД. На основании изложенного, оценив собранные доказательства, комиссия признает, что в полученных в ходе разбирательства фактических данных отсутствуют сведения, свидетельствующие о нарушении адвокатом норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и дает заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката К. Совет АП МО согласился с доводами комиссии, решением от 22.01.2014 г. дисциплинарное производство в отношении адвоката прекращено» (<<http://www.apmo.ru/uid19/?show=theme&id=463&highlight=%D0%BD%D0%B5%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D1%81%D0%BE%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE>>).

Приведенное решение органа адвокатского самоуправления знаменательно для целей настоящего дисциплинарного разбирательства еще и тем, что, в отличие от всех иных известных Комиссии случаев, проведенное с участием адвоката оперативно-розыскное мероприятие здесь квалифицировано как гласное.

О том, что в адвокатском сообществе существуют диаметрально противоположные мнения по существу рассматриваемой проблемы, свидетельствует и зафиксированный в электронных средствах информации случай из практики той же Адвокатской палаты Московской области (<<http://pssp2005.narod.ru/>>). 21 декабря 2011 года состоялось заседание Совета Адвокатской Палаты Московской области, на котором обсуждалось заявление Малковой Т.И. о недопустимости негласного сотрудничества адвокатов Леонтьева В.В., Семенова А.В. и Мусияки В.Н. с органом оперативно-розыскной деятельности (Управлением собственной безопасности ФСБ России). Докладчиком был вице-президент Адвокатской Палаты Сорокин Ю.Г., который высказался о недопустимости сотрудничества адвокатов с органом оперативно-розыскной деятельности и участия адвокатов в передаче взятки. Ему оппонировал первый вице-президент Палаты Боровков Ю.М., который был за сотрудничество адвокатов с органом оперативно-розыскной деятельности. Боровков Ю.М. заявил, что адвокаты должны уча-

ствовать в борьбе с коррупцией, в связи с чем их сотрудничество с органом оперативно-розыскной деятельности не только допустимо, но и необходимо. Против позиции первого вице-президента Палаты Боровкова Ю.М. выступил адвокат Паршуткин В.В., который напомнил, что взгляд на адвокатуру как на орган борьбы с коррупцией подрывает основы адвокатуры и ведет к уничтожению ее независимости, а участие адвокатов в передаче взятки несовместимо со статусом адвоката. В итоге 2,5 часовой дискуссии Совет постановил: в связи с тем, что уголовное дело в отношении Малкова В.В. в настоящее время находится на рассмотрении Мосгорсуда, какого-либо решения по заявлению Малковой Т.И. не принимать.

В процессе изучения обстоятельств данного дисциплинарного дела в отношении адвоката К. и в связи с очевидным наличием различных подходов к рассматриваемой проблеме, Квалификационная комиссия приняла меры для изучения зарубежного опыта. Установлено, например, что для юридической практики Великобритании нет запрета на сотрудничество с полицией и иными государственными органами. Наоборот, это даже поощряется при условии, что не нарушена конфиденциальность — основной принцип отношений между юристом и клиентом. Тем не менее, необходимо непременно уведомить регулирующий орган (в Англии это SRA — Solicitors Regulation Authority) и получить письменное подтверждение от него для снятия с себя рисков и ответственности.

Применительно к Соединенным Штатам Америки, где имеется богатый опыт разработки корпоративных правил наряду с существованием автономного законодательства каждого штата, тема негласного содействия адвоката представителям власти обстоятельно рассматривалась в разрезе встававшего не единожды вопроса о принципиальной допустимости ведения скрытой записи каких-либо бесед и переговоров, особенно учитывая, что в некоторых штатах такие действия отнесены к категории уголовно наказуемых. По данному поводу Научно-исследовательской службой Конгресса США был подготовлен обзор под названием «Прослушивание телефонных переговоров, использование записывающих устройств и вопросы профессиональной этики юристов» (Wiretapping, Tape Recorders, and Legal Ethics: An Overview of Questions Posed by Attorney Involvement in Secretly Recording Conversation, August 9,

2012). В указанном Обзоре сказано, что в 1974 году Американская ассоциация юристов (ААЮ) заключила, что скрытая запись разговоров, осуществляемая без информирования или в отсутствие согласия всех их участников, является нарушением этического запрета, установленного в отношении поведения, связанного с совершением «бесчестных, мошеннических, обманных или вводящих в заблуждение действий». Однако ААЮ сделала оговорку, согласно которой записи, осуществляемые правоохранительными органами в условиях судебного надзора, могут не являться нарушением каких-либо этических норм. Проведенное впоследствии изучение практики показало, что единого подхода к разрешению обозначенного вопроса при рассмотрении вопросов профессиональной этики адвокатов не выработано.

В то же время, исходя из общего правила о недопустимости ведения адвокатом скрытой записи, ряд штатов (Аризона, Айдахо, Канзас, Кентукки и некоторые другие) предложили расширенный список исключений, предусматривающих при определенных условиях возможность записывания переговоров и бесед защитником по уголовным делам, возможность записи на пленку высказываний и заявлений, которые сами по себе являются преступлениями, например, предложений взяток или угроз, и некоторые другие. Комитет по вопросам профессиональной этики штата Техас к таким исключениям для адвокатов относил чрезвычайные обстоятельства, когда сотрудники местных органов прокуратуры и иных правоохранительных органов, действуя по указанию генерального прокурора штата или главных окружных обвинителей, организуют скрытое ведение записи при условии, что их действия осуществляются в строгом соответствии с установленными законом ограничениями с соблюдением конституционных норм. Такие исключения должны были рассматриваться отдельно в каждом конкретном случае.

Важно отметить, что оценки подобных случаев периодически менялись. В заключении по вопросам соблюдения этических норм № 1738 за 2000-й год Постоянный комитет штата Виргиния рассмотрел возможность применения действовавшего на тот момент времени правила, налагающего безусловный запрет на несогласованное ведение записи на пленку в отношении правоохранительной деятельности, осуществляемой под прикрытием, и пришел к заключению о его неприменении в дальнейшем.

В деле Штат против Смита (Колорадо, 1989 г.) рассматривался случай, когда частный адвокат согласился осуществить действия под прикрытием по запросу Бюро расследований штата Колорадо в связи с проведением расследования в отношении некоего лица. По совету помощника генерального прокурора представители Бюро расследований штата Колорадо попросили адвоката осуществить запись телефонных разговоров в скрытом режиме. После того как были получены заверения сотрудника генеральной прокуратуры о том, что данные действия не противоречат Кодексу профессиональной ответственности, адвокат предоставил свое согласие. Тем не менее, данный случай стал впоследствии предметом разбирательства дисциплинарных органов.

Соответственно, изучение как российского, так и зарубежного опыта демонстрирует, что органами адвокатского самоуправления не выработано единого подхода к оценке действий адвокатов, принимающих участие в оперативно-розыскных мероприятиях. В таких условиях, при явной противоречивости законодательных норм, Квалификационная комиссия отмечает наличие правовой неопределенности. Как указывает в своих решениях Европейский Суд по правам человека, Конвенция о защите прав человека и основных свобод устанавливает стандарт, требующий, чтобы все законы были сформулированы с достаточной четкостью. Из этого постулата вытекает следствие, актуальное и для дисциплинарных органов адвокатского самоуправления: «Данное требование подразумевает не только наличие законодательной базы, но и определенную степень ясности и связности закона и процедур, которым необходимо следовать, чтобы участники спора могли избежать, насколько это возможно, любой правовой неопределенности и двусмысленности» (ЕСПЧ, Большая Палата, дело «Котов против РФ» (Жалоба № 54522/00), постановление от 3 апреля 2012 года; См. также дела «Шухардин против РФ» (2007); «Маркс против Бельгии» (1979) и др.). В свою очередь, Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 25 апреля 1995 года № 3-П по делу о проверке конституционности ч. 1 и 2 ст. 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Н. Ситаловой сформулировал универсальную правовую позицию, согласно которой возможность произвольного применения закона является нарушением провозглашенного Конституцией Российской Федерации равенства всех перед законом и судом.

На основании изложенного Квалификационная комиссия резюмирует, что при описанных обстоятельствах исключается возможность возложения какой-либо ответственности на адвоката К., поскольку в условиях правовой неопределенности нельзя считать презумпцию добросовестности адвоката опровергнутой.

Отмеченная правовая неопределенность по вопросу о возможности существования и содержания тех или иных форм сотрудничества адвоката в интересах его доверителя с органами, осуществляющими ОРД, по мнению Квалификационной комиссии подлежит устранению путем принятия и опубликования для всеобщего сведения общеобязательного разъяснения о том, как вести себя адвокату в подобной сложной этической ситуации. Представляется также, что поскольку случаи, аналогичные рассматриваемому, получили определенное распространение на территории Российской Федерации, в частности, имели место в городах Москве и Санкт-Петербурге, Московской области, Краснодарском крае, Карачаево-Черкесской Республике, Ростовской области, такое разъяснение в целях его единообразного применения целесообразно разработать Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам, созданной 22 апреля 2015 года решением VII Всероссийского съезда адвокатов о внесении соответствующих дополнений в Кодекс профессиональной этики адвоката.

Квалификационная комиссия по результатам разбирательства с учетом результатов голосования именными бюллетенями, руководствуясь п. 7 ст.33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, единогласно выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К. по жалобе П. от 22 октября 2014 года (вх. № 3835 от 27.10.2014), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Совет согласился с мнением Квалификационной комиссии.

Поздравляем!

**Приняли присягу и получили статус адвоката
15 апреля 2015 года:**

АЛИЕВ Самир Зульфиевич
АНТОНОВ Артём Сергеевич
БАТЫРОВ Рустам Асланович
БЕЛОВ Дмитрий Олегович
БОРОДИН Павел Андреевич
ГАТИКОЕВ Илья Анзорович
ЗЕЛЕНСКАЯ Ольга Михайловна
ИСКАКОВ Олег Михайлович
КАЛИНИН Сергей Игоревич
КОВАЛЬЧУК Вера Александровна
НАДТОЧИЕВА Ирина Леонидовна
ПОНОМАРЕНКО Ольга Андреевна
РЯБИНИН Андрей Викторович
СИМБИРЕВ Дмитрий Юрьевич
ТАРЛО Антон Евгеньевич
ТЕРЕХИН Роман Сергеевич
ШАРАПОВА Дарья Викторовна
ШИЛАБОД Владислав Валентинович
ШУБЕНКОВА Варвара Михайловна
ЩУКИНА Лилия Сергеевна
АЛЮШЕВА Ильгиза Рафаиловна

Поздравляем!

**Приняли присягу и получили статус адвоката
19 мая 2015 года:**

ГАВРИЛИНА Елена Юрьевна
ДРОНОВ Денис Алексеевич
ЛЕЙСЛЕ Денис Карлович
СИВЦЕВ Александр Александрович
ТЕЛЬПЯКОВ Олег Владиславович
КАЛИНОВСКАЯ Анна Александровна
КРАСИЛЬНИКОВ Михаил Викторович
ЛАлександр Валерьевич
ОВСЯННИКОВ Дмитрий Павлович
ПЕРЕПЕЛКИНА Елена Анатольевна
ПЕСТРИКОВ Владимир Васильевич
РАСПЕРЕЗА Олег Аркадьевич
ХАЗОВА Елена Анатольевна
ШАДЫЕВА Замира Джоракулыевна
ЯСЕНКОВ Александр Николаевич

СОДЕРЖАНИЕ

Документы Адвокатской палаты г. Москвы	3
Обзор дисциплинарной практики	18
Поздравляем!	
Приняли присягу и получили статус адвоката 15 апреля 2015 г.	64
Приняли присягу и получили статус адвоката 19 мая 2015 г.	65

Редакционный совет «Вестника Адвокатской палаты г. Москвы»:

Председатель — РЕЗНИК Г.М.

Члены редакционного совета:

ЖИВИНА А.В., ЗАЛМАНОВ В.Я., ПОЛЯКОВ И.А.

Ответственный за выпуск: ЗАЛМАНОВ В.Я.

«Вестник Адвокатской палаты г. Москвы». № 2 (128) за 2015 г.

Свидетельство о регистрации № 015478. Тираж — 1350 экз.

Макет и верстка выполнены *М.Ф. Фоминой*. Корректор *О.В. Газизова*.

Срок подписания в печать — 3 июля 2015 г. Заказ №

Отпечатано в ООО «Центр полиграфических услуг «Радуга»

115280 г. Москва, ул. Автозаводская, д. 25.

Заказчик: Адвокатская палата г. Москвы. 119002, г. Москва, пер. Сивцев Вражек, д. 43.

тел.: 8 (499) 241-20-20.

Для заметок
